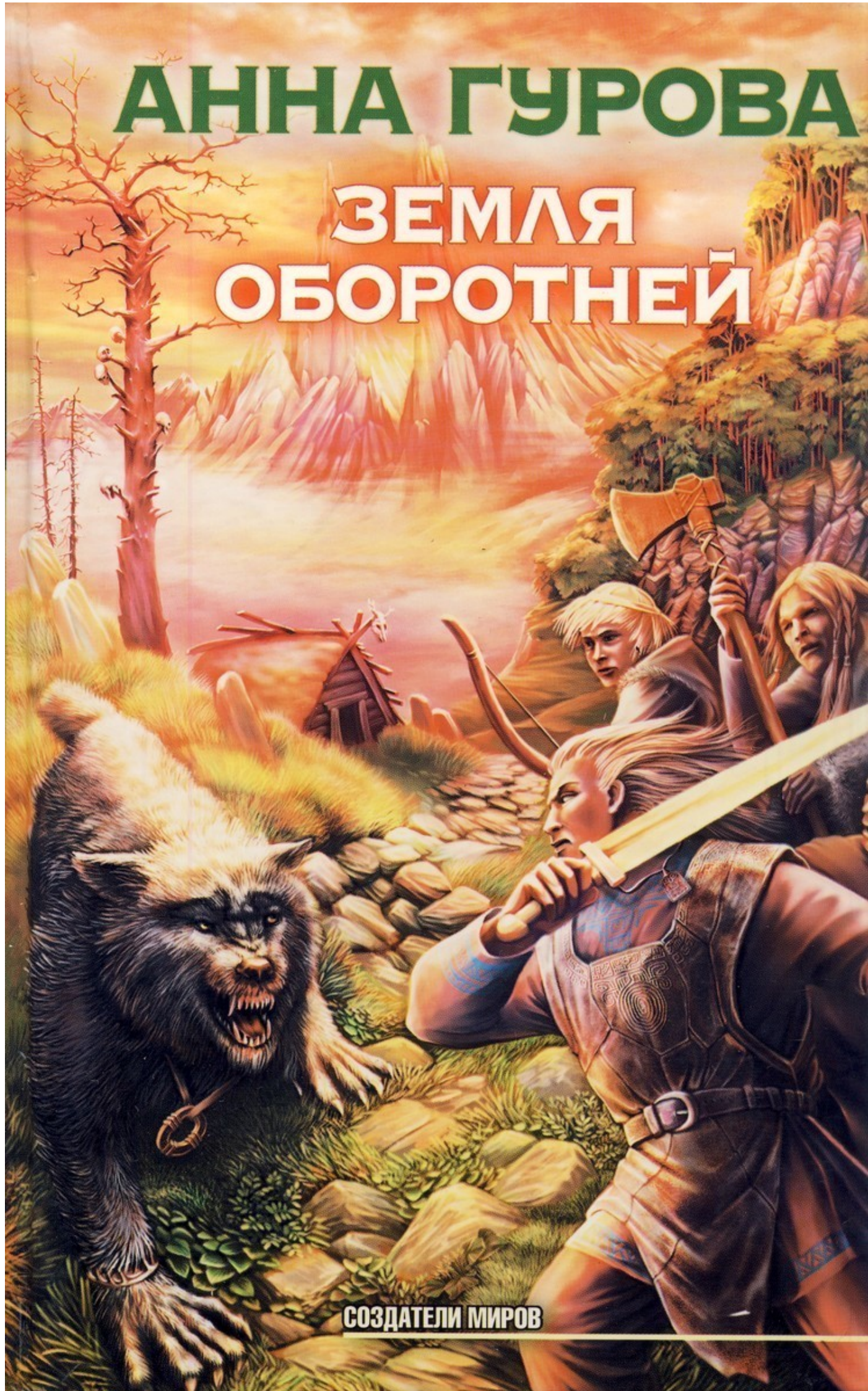

АННА ГУРОВА

**ЗЕМЛЯ
ОБОРОТНЕЙ**

СОЗДАТЕЛИ МИРОВ

Создатели миров

Анна Гурова

Земля оборотней

«Анна Гурова»

2019

Гурова А. Е.

Земля оборотней / А. Е. Гурова — «Анна Гурова»,
2019 — (Создатели миров)

Каждый человек отвечает за свои желания. К оборотням это тоже относится. Кровожадное желание Хозяйки Похъёлы Лоухи, самой главной и самой опасной повелительницы клана оборотней-чародеев, отдало Мельницу желаний, похищенную Лоухи часть Мирового Древа, во власть богини смерти. Мироздание пошатнулось и дало трещину. Даже боги бессильны что-то изменить. Мир погибнет, если немедленно не отнять Мельницу у Лоухи. Но когда боги бессильны, в дело вступают герои. По мотивам древнего северного эпоса «Калевала».

© Гурова А. Е., 2019

© Анна Гурова, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Анна Гурова

Земля оборотней

Пролог

Корабль приближался к берегу. Шли на веслах, выгребая изо всех сил – порывистый северный ветер сносил обратно во фьорд, словно не желал пускать в гавань. Слишком холодный ветер для конца лета, пусть даже лета похвѣльского.

Варг Ульф Комар – удачливый хевдинг, гроза побережий, воин и грабитель, при случае и купец, – греблей не утруждался. Он стоял на носу драккара, положив руки на пояс и таращась по сторонам. Ну и гнусная же местность эта Луотола! Вот уж воистину обиталище оборотней!

Высокое и бледное, выстуженное небо. Тускло-серое, угрюмое море. А между морем и небом – один только черный камень скал, весь изрезанный огромными кривыми трещинами, словно некий великан рубил берега мечом. Раньше тут хоть какая-то трава росла, прибрежные камни укрывал мох, пучки водорослей колыхались в прибое. А теперь – ничего. Мертвые скалы, пустые воды, и кажется, будто уже настала зима, хотя до нее еще месяца два. «Надо непременно вернуться до начала бурь», – в который раз подумал Ульф. Осенние бури в коварном Закатном море особенно страшны.

Все здесь было пропитано тревогой. Скрытая опасность невидимо разливалась и в воде и в воздухе, а особенно – в этих черных скалах. Утесы над морем вздымались все так же отвесно, отгораживая Луотолу от внутренних областей Похвѣлы. Где-то за горами время от времени раздавался далекий грохот и гул, будто сходили лавины... Но какие лавины летом?

Да, прежде тут не было так мрачно. В скалах – тюлени, в море – косяки трески, на берегу – люди, а небо полно чаек и иных крылатых... созданий. И где они все теперь?

«А слухи-то не врили, – подумал Ульф не без удовлетворения. – Туны в самом деле бросили свое гнездовье. Конечно, все свои сокровища они унесли с собой... Но вдруг что-то забыли впопыхах?»

Чем ближе к берегу они подплывали, тем явственнее становилась картина запустения. Не только исчезла вся живность – сами горы изменились. Крутые склоны прочертили следы недавних оползней, а половина гавани была погребена под каменными обломками. Ульф прищурился, высматривая среди руин поросшую мхом крышу своего склада.

– Не могу сладить с этим ветром, – раздался рядом с ним хриплый голос.

К хевдингу, пошатываясь от усталости, подошел Лакс, заклинатель погоды, знаток рун и скальд, что, впрочем, не мешало ему быть таким же разбойником, как Ульф. – Вот уж воистину проклятая земля! Говорят, во всем виновата старая ведьма Лоухи, что она вызвала гнев богов... Что же тут случилось?

– Что-что? – проворчал Ульф, рыская взглядом среди осыпей. – Земля тряслась, и скалы упали. Раньше не видел, что ли, как это бывает? Ага! Вот они, мои склады! Слава Хару Одноглазому, оползень прошел стороной! А вон еще дома уцелели! Ух, пошарим тут сейчас! Гребите к берегу!

– Нет! – перебил его скальд. – Там неладно. Что-то нас поджидает там. Чувствую – оно нас уже увидело...

– Что еще за «оно»? – раздраженно спросил Ульф. – Тролли? Оборотни?

Лакс отер со лба пот холодной рукой.

– Не понимаю, – бормотал он. – Но это нечто – не от нашего мира. Оно не враждебно и не дружелюбно, но мы перед ним – что пена на волнах... Оно тут все и разрушило...

– Ну и что с того? – буркнул хевдинг. – Высадиться-то можно или нет?

– Я пока не пойму. Не мешай, дай послушать...

Ульф пожал плечами и замолчал. А скальд снова зажмурился, чтобы обычное зрение не мешало ему скользить вниманием по грани Изнанки, откуда приходят песни, проклятия и пророческие видения. Лакс слушал, и вдруг руки у него задрожали, и пот снова потек по спине. Он понял, что это «нечто» точно так же прислушивается к нему. «Нечто» с легкостью видит его насквозь, оно читает его мысли и мысли всех на этом драккаре – нет, не мысли, желания! И от них, от желаний, будет зависеть – как *оно* с ними поступит...

– Надо поворачивать! – с трудом выговорил он, открывая глаза. – Скорее, назад!

– «Поворачивать», – передразнил Ульф заклинателя, – а там у меня осталось тюленьих шкур, и китового жира, и рыбьего зуба столько, что хватит на три таких корабля вместе с командой и с тобой в придачу. Думаешь, я все это оставлю тут гнить? Нет уж!

– Хочешь гнить рядом? – вкрадчиво спросил скальд.

Хевдинг взглянул злобно, отвернулся и крикнул:

– Гребите к берегу!

Крошечный кораблик качается на волнах. Скорлупка, рыба чешуйка... Даже забавно: такой беспомощный, такой уязвимый, и все же ползет вперед, упрямо выгребая против ветра. Достаточно уронить в море скалу да хоть бы вон ту, которая и так еле держится, чтобы его накрыло волной... Один всплеск, и снова станет тихо и спокойно.

А вот существа на палубе... Как просты и ясны их желания – мелкие и глупые. Жажда наживы. Желание жить. И все. Обычные помыслы смертных, они могут воплотиться и сами...

Все, корабль больше не интересен.

«Убей их!»

Гораздо более сильное желание приходит из холодных глубин. От той, что всегда жelaет смерти и не может насытиться. Но к чему убивать? Это всего лишь обитатели Мидгарда, однодневки, даже не чародеи. Они скоро умрут сами, а их желания не имеют никакого значения... Они ничего не знают о сампо. Да если бы и знали...

«А я говорю – убей! Иначе вскоре они вернутся, только их станет вдесятеро больше. И могут привести с собой других, более опасных – тех, кто знает о тебе, у кого есть сила...»

Сампо не отвечает. Оно не видит причин губить однодневок. Оно и не создано для убийств. Оно еще помнит, что когда-то было частью Древа, родственного всем деревьям в мире. Древа, рожденного самой Вселенной, чтобы дарить трем мирам жизнь, а не гибель; быть основой порядка, а не хаоса.

Но желанию, приходящему из глубин, трудно сопротивляться. Мало что в мире есть более сильное, чем желание бога. Или богини.

Огромное дерево, чьи ветви и корни змеятся в темноте подземного мира, разрушая изнутри горы Похьёлы. Огненная лава течет по жилам земли, но почти не согревает их. А сампо растет, подгоняемое злобной волей из глубин. Растет против всей своей природы – вниз.

Прямо сквозь подземный огонь – к смертельному холоду Хорна...

Сампо сопротивляется. Оно не хочет расти туда, куда его подталкивает могучая воля Калмы. Там тьма, холод и боль, там нет пищи для корней. Там ему суждено превратиться в нечто такое, чему в трех мирах и названия нет... Желание Калмы – чтобы побег Мирового Древа рос вниз, в Хорн – отвратительно самим законам мироздания.

Но сампо было создано, чтобы выполнять желания.

«Мир крутится вокруг Мировой Оси, только потому, что его двигают желания богов.

Если бы они исчезли, время бы остановилось.

И тогда Мировая Ось станет ненужной... и переломится под тяжестью неподвижной Вселенной».

Так нашептывает Калма, богиня смерти.

«Теперь ты мое. Поэтому выполняй *мои* желания. Повинуйся».

Скала над Луотолой начинает потрескивать, вниз с шорохом бегут мелкие камушки... Скоро ее вершина упадет во фьорд, и волна слизнет кораблик, как муху...

«Еще один! С севера!»

Теперь желание из глубин еще сильнее и определеннее. Вот и явились те, кто знает про сампо. За ним-то они и пришли. Забрать его! Украсть! Ненависть Калмы передается молодому Древу.

Трещина перестает расширяться, скала застывает на месте. Варги забыты. Все внимание сампо – на север. В сторону Внутренней Похьёлы.

– Клянусь ледяными Вратами Хорна! Вы гляньте, что тут творится!

– Да-а... и месяца не прошло, а Луотолу не узнать... Будто и не было тут никогда нашего гнездовья...

– Заткнитесь-сь, – прошипела Лоухи.

Три туна стояли на выступе скалы, издалека обозревая горный хребет, отделяющий внутреннюю область страны от моря. Лоухи, бывшая теперь уже Хозяйка Похьёлы, и два ее родича, которым она еще могла доверять. Оба были немолоды, многоопытны и искушены в колдовстве, но не смогли удержаться от возгласов изумления, увидев, во что за считанные дни превратилось их родное гнездовье.

«Но почему? – со злобой и отчаянием подумала Лоухи. – Что я сделала не так?! Когда допустила ошибку?»

Скалистый хребет растрескался, как лед в жаркий день. В глубоких извилистых трещинах рдела лава. Со всех сторон поднимались в воздух удушливые испарения, что просачивались из растревоженных недр. Земля дрожала, над горами стоял монотонный гул.

– Нам туда нельзя, – убежденно сказал один из тунов. – Там смертельно опасно. Для тебя, Лоухи, – особенно.

Лоухи поморщилась. Она и сама это чувствовала, причем получше других. Знала – сампо хочет ее гибели. Подумать только, сампо – *ее* сампо – стало ей враждебно! Эта нелепая деревянная мельница, над которой она сама вначале посмеивалась, которую так долго к себе приучала, и сама училась с ней управляться – чем она теперь стала? И главное, почему?

– Надо попытаться, – угрюмо сказала Лоухи. – Давайте-ка, слетайте на разведку!

Оба родича нахально сделали вид, что не расслышали. Время, когда Хозяйке Похьёлы было достаточно сказать «я желаю», увы, закончилось.

– А, чтоб вас пожрали демоны Хорна! Полетели вместе! В пещеру можете не заходить, я спущусь одна. Если со мной что-то случится...

Лоухи замолчала. Хотела было сказать: «новой Хозяйкой Похьёлы станет дочь моя Ильма», но промолчала – ибо какая еще Хозяйка, у которой даже гнезда своего нет?

– Ладно, полетели, – нехотя произнес старший тун, расправляя крылья. – Ветер северный, авось проскочим. Попробуем подняться повыше над хребтом...

Оборотни распахнули сизые крылья, совершая превращение. Вскоре три крылатых существа, издалека похожих на орлов, уже поднимались все выше и выше, к самым облакам, оставляя горы далеко внизу.

Но стоило им поравняться с первыми отрогами барьерного хребта, как прямо перед ними проснулся вулкан.

Издалека это выглядело даже красиво. Разверзлась гора, и в воздухе неторопливо выросло облако пепла. Оно вздымалось, кудрявясь, словно крона дерева на ветру. У его корня мерцало слепящее пламя...

Туны одновременно склонились на левое крыло, огибая плотное облако... И тут в уши им ударил ужасный рев. И удар ветра – с юга.

Лоухи, не раздумывая, повернула обратно и изо всех сил понеслась к северу. Краем глаза она видела, что то же самое сделали ее родичи. Но они не успевали. Волна горячего, вязкого воздуха ударила их, закружила, швырнула вниз. Ветер был не просто горяч, а ядовит и полон частичек пепла. В нем нельзя было лететь; им было невозможно дышать. Туны уже не могли даже взмахивать крыльями; их несло помимо воли, словно птиц, попавших в бурю. Их окутала тьма. Воздух стал как камень... а потом исчез вовсе.

– Мать Калма! – воззвала Лоухи, хрипя и задыхаясь. – Спаси, помилуй!

...Спустя долгое время облако пепла отнесло ветром к востоку, и оно неторопливо уползло, оставив под собой плоскогорье, покрытое густой, горячей черной грязью. В грязи что-то трепыхалось. Кашляя и бранясь, Лоухи выбралась из липкой каши и кое-как поднялась на ноги. Протерла глаза, огляделась и застонала. Перед ней извергался вулкан, выбрасывая к небу огненные фонтаны лавы. От родичей не осталось и следа.

– Мать Калма! – прохрипела Лоухи. – Ну за что ты так со мной?!

Она и не догадывалась, что на этот вопрос есть совершенно определенный ответ.

...Только-только высадившиеся на берег варги замерли и подняли головы. Гул, доносившийся с той стороны гор, вдруг резко усилился. Над гребнем, клубясь, поднималось огромное облако пепла.

– Надо уходить! Немедленно! – проорал Лакс прямо в ухо Ульффу.

Но хевдинг колебался:

– Ветер вроде бы меняется... Давайте, бегом к складу и тащим на корабль все, что под-вернется!

Ответом на его приказ был крик одного из гребцов. Тот показывал не на вулкан за горой, а на скалу, нависшую над гаванью. Скала медленно отделялась от горного склона, трещина росла на глазах...

– ...Не раздавит, так смое! – долетел крик сквозь усиливающийся грохот.

Ульф стиснул челюсти, бросил последний тоскливый взгляд в сторону складов и заревел:

– Видно, боги против нас сегодня! Отплываем!

Волна от упавшей скалы догнала их уже в море. Качнула, подбросила, корабль закрипел, но выдержал. И, подхваченный северным ветром, стремительно поплыл восвояси – чтобы больше сюда не возвращаться.

Глава 1

Знак рубежа

Маленький отряд идет через осенний лес. По ночам над землей поднимается туман, стоит в воздухе до позднего утра. В тумане влажно чернеют стволы елей и сосен. Березы уже облетели. Под ногами трещат черничники, чавкает грязь, мох липнет к сапогам. Далеко позади осталась безымянная речка – приток Янного, которая вела их к северу. Плыть на каяках в преддверии зимы – невеликое удовольствие, но все понимали, что это была самая легкая часть пути. Когда впереди возник красноватый гранитный утес – знак, о котором предупреждал Вайнемейнен, – пристали к берегу. Речушка ушла дальше, сворачивая к востоку, в земли саами. На берегу поджидала охотничья стоянка: пустая замшелая землянка с провалившейся крышей. Последний раз тут, видно, останавливался сам Вайно лет сто назад. Задерживаться не стали – спрятали под уцелевшим навесом каяки и дальше пошли пешком. В сыром тумане, в сонной тишине.

В поход они выступили впятером. Как ни настаивал Ахти, как ни возмущался, а пришлось ему отправить своих воинов обратно на Лосиный остров.

«Два десятка вооруженных парней – это, считай, вторжение, – сказал Вайно. – А пятеро пройдут – никто не заметит».

И вот теперь пятеро шагают через лес на север – а в небе над ними последние косяки птиц улетают на юг. Впереди темная Похьёла, земля колдунов, где поклоняются Калме, богине смерти. Калма подстроила так, чтобы похьельская колдунья Лоухи добралась до корня Игд-расиля, Мирового Древа, раздобыла кусочек священного Древа и сотворила сампо – волшебную мельницу, исполняющую желания. Но сампо оказалось старой ведьме не по зубам. Исполняя желания смертных, оно исподволь начало разрушать строй мироздания – как и задумала Калма.

Так сказал вещий старец, мудрый Вайнемейнен.

«Так что, Ильмо, придется тебе идти в Похьёлу, – сказал он молодому охотнику, своему бывшему ученику. – С тобой благословение богов и предков – то есть мое. Отбери сампо у Лоухи, пока она по своему невежеству не погубила весь мир».

Не слишком-то рад был Ильмаринен его словам, а куда деваться? Против благословения богов не попрешь. Ильмо – охотник-одиночка. Любит лес больше, чем собственный род. Немного умеет колдовать. Словом, ничего особенного в нем нет. Но именно на него указало похьельское пророчество: «Сампо похитит человек из рода Калева». Поэтому Лоухи послала сына, чародея Рауни, чтобы тот нашел и убил Ильмо. Но Рауни погиб, а пророчество стало известно карьяла. И теперь боги избрали Ильмо для похода в Похьёлу, а родичи, боясь мести Лоухи, радостно выпроводили его из дому. Хотя Ильмо понятия не имеет, что будет делать в Похьёле и как добудет сампо. И что такое это сампо? Никто из людей его даже не видел!

С ним идет его старый друг Ахти Каукомьели. Ахти – отважный воин, искатель приключений. Больше всего ему нравится странствовать с варгами по Закатному морю, открывая новые земли и попутно их разоряя. Именно этим он надеется заняться и в Похьёле.

Третий – Аке Младший, кормчий из племени варгов. Когда-то его отец служил Хозяйке Похьёлы и участвовал в том самом походе к корням Мирового Древа, когда и было обретено сампо. Аке хочет найти Лоухи и снять со своего рода проклятие богов – чтобы зажить, наконец, нормальной жизнью. Для варга, конечно.

Четвертый – Йокахайнен, молодой саамский нойда. Он родился в Похьёле и еще недавно служил тунам, но его хозяин Рауни погиб, и теперь он хочет стать учеником Вайно. Йокахайнен – чрезвычайно полезный человек в отряде. Он единственный из всех знает обычаи Похь-

ёлы и язык тунов. К тому же он настоящий колдун – а идут они в такие места, где без магии – как без рук.

Пятый – маленький, мрачный Калли, холоп Ильмаринена. Никто не воспринимает его всерьез. И напрасно.

– Эй, парни, стойте!

Ахти, шагавший первым, остановился.

– Что там?

Прямо перед ним росла высоченная сосна, за ней, куда хватало глаз – россыпь ледниковых валунов. Предстояло снова выбирать дорогу.

– Куда идем? Налево или направо?

Ильмо и Йокахайнен одновременно показали в разные стороны.

– Туда!

Они переглянулись, обменялись усмешками.

Вдруг позади них раздался холодный глубокий рык, гулкий и раскатистый, как из колодца. Все застыли. Аке схватился за рукоять секиры. Ильмо осторожно оглянулся – и рассмеялся. Позади него на дереве сидел огромный ворон, которого Вяйно послал «приглядеть за ними». Ворон приглядывал так ненавязчиво, что о нем все давно забыли.

– Ого! – воскликнул Аке. – Вот это голосище! И что он хочет нам сказать?

– Почему ты сказал – «туда»? – спросил Йокахайнен, уже без улыбки.

Ильмо покачал головой. Казалось бы, и справа, и слева от каменной россыпи был всё тот же лес. Но тот лес, что слева, определенно нравился охотнику больше. Левая сторона словно манила. Что это – предчувствие? Или просто блажь?

– Слева посветлее и земля посуше, – сказал он, словно оправдываясь. – А справа что – лес как лес. Обычный.

– Вот именно. Лес как лес. И хорошо.

– Левая сторона несчастливая, – напомнил Калли.

– Киньте кости, – предложил Ахти.

– Кости кидают по серьезному поводу, а не на каждой развилке, – возразил Аке.

– А что может быть важнее правильного выбора пути? – сказал Ильмо. – Шагнул не туда – всё пропало. Это как с деревом: если изначально криво пойдет в рост, то потом уже не выпрямится. Давайте, чтобы знать наверняка, сделаем вот что. Эй, Калли! Залезь-ка на эту сосну и оглядись!

Калли, шедший последним с огромным заплечным мешком, тут же скинул его на землю, придирчиво оглядел сосну, подпрыгнул, ухватился руками за обломанный сухой сук и вскоре исчез в ветвях – легко, как белка.

Спустя недолгое время сверху донесся его голос:

– Ну, забрался. Дальше что?

– Горы видишь? – зычно крикнул Аке.

– Нет тут никаких гор.

– Как нет?!

Сверху посыпалась хвоя. Калли ловко спрыгнул на землю:

– Какие-то облака в той стороне – и всё.

Аке рассмеялся:

– Так это и есть горы! Ты что, гор не видал?

– Как же не видал! – насупился Калли. – А гора Браге?

– Браге – это не гора, а просто большая кочка!

– Видите, я не ошибся, – довольно сказал Ильмо.

Путешественники снова закинули мешки за плечи – и двинулись дальше, обходя слева каменный завал. Ворон недовольно каркнул им в спину, но никто не обернулся.

И снова потянулись сумрачные боры, ельники, овраги...

Перед самым отплытием Ильмо наконец принял решение, каким путем идти на север. После долгих колебаний он выбрал самый короткий путь: через горный хребет, известный как Врата Похьёлы. От многомесячного пути через земли варгов он отказался сразу. Оставался еще путь через земли саами, за который выступал Йокахайнен. Но чем жарче уговаривал их нойда, тем меньше Ильмо хотелось туда идти. Нет, он верил в искренность Йокахайнена. Но он еще не забыл, каким был молодой саами в первые дни их знакомства: высокомерным и дерзким, однако в любой миг готовым унизиться, склониться перед силой. А что, если все саами таковы? Зачем вводить похьельских рабов в соблазн? И опять же – новая задержка, зимовка... Может быть, восточный путь и безопаснее. Но лучше уж хийси и дикие звери, чем ползучее человеческое коварство.

Вяйнемейнен остался доволен его выбором. Хотя и не скрывал: путь будет тяжелым, неторным и опасным.

– Предгорья Похьёлы – дикие, пустынные земли. Ни людей, ни тунов вы там не встретите, зато там полно хийси, а то и чего похуже. Но вы идите смело и надейтесь на помощь богов. А лучший способ ее получить – довериться судьбе и идти прямо ей навстречу. Держите глаза и уши открытыми и ничего не бойтесь... кроме Когтистого Старца.

Ничего конкретного о грядущих опасностях, впрочем, Вяйно не рассказал.

– Сначала обычные леса, потом болота, а потом уже и в предгорья выйдете. И вот там вам придется очень хорошо подумать – что сделать, чтобы не идти через главный перевал... Возможно, вам подскажут, возможно, придется искать путь самим. Но всегда помните о Когтистом Старце! От него не спастись!

Ильмо хотел взять с собой собак, но Йокахайнен отсоветовал.

– Собаки нас скорее выдадут, чем устерегут, – сказал он. – И против демонов они не сторожа. Мое колдовство будет вам вместо собачьего чутья.

– И про ворона не забудьте, – добавил Вяйно. – Слушайте его – и до границы дойдете спокойно...

Нет, не напрасно левая сторона считается несчастливой. Тем же днем, около полудня, пройдя светлым бором, путешественники неожиданно уткнулись в глубокий, в три человеческих роста, овраг. Песчаные стенки оврага были почти отвесными, дно ровное и сухое, сплошь усеянное блестящими серыми шляпками маслят. Бровка оврага густо поросла молодым ельником. Овраг, плавно загибаясь, уходил в обе стороны, и на сей раз ни справа, ни слева его было не обойти.

– Будем перебираться на ту сторону? – без восторга спросил Ахти, измеряя взглядом глубину оврага и крутизну стенок. – Спуститься-то мы спустимся, а вот взобраться...

– Можно и по краю идти, – возразил Ильмо. – Смотрите, овраг ведет почти точно на север. Мне кажется, очень удобный путь нам подвернулся...

– Опять тебе кажется? – проворчал Йокахайнен. – А если головой подумать?

– Ты о чем, Йо?

– Да так. Не нравятся мне такие тропы, которые сами подворачиваются под ноги...

Ильмо не стал ему ничего отвечать. Ему вдруг стало не по себе: как тогда, перед сосной. Он почувствовал, как будто ему показывают нечто важное, тычут прямо в лицо – а он, глупый, и понять не может. Йокахайнен, стоявший рядом с ним, вдруг закрыл глаза и вытянул перед собой руку, словно что-то нащупывая в воздухе.

«Ищет следы чар», – подумал Ильмо.

– Если пойдем по дну оврага, – предложил Калли, алчно поглядывая на шляпки маслят, – я вам на ужин такую вкуснятину состряпаю...

– Так что мы стоим? – отозвался Ахти.

– Стойте! – воскликнул было Ильмо, но опоздал. Миг – и вся троица с хохотом и гиканьем уже съехала по склону вниз. Наверху остались только Ильмо и Йокахайнен, который по-прежнему пытался что-то нашарить в воздухе.

Вдруг позади снова раздалось гулкое, утробное карканье ворона. Похоже, ворон снова был недоволен.

– Ильмо, – раздался позади глухой голос нойды. – Скажи, когда мы выбирали путь у той сосны – что ты подумал?

– Ну... что левый путь приветливее, что ли.

– А я почувствовал – что кто-то меня позвал. Мне еще тогда показалось подозрительным... Я-то, дурак, думал – может, знамение тебе было... Кто у нас избранник богов? Не я же! И только сейчас понял. Кто-то нас направляет, Ильмо! Подталкивает в нужную сторону...

– Хийси? – неуверенно спросил Ильмо.

– При чем тут хийси! – Йокахайнен понизил голос и указал на север: – Я думаю – *они*.

– Мы же еще не в Похьэле, – возразил Ильмо. – До нее еще шагать и шагать... Или ты хочешь сказать... что мы ненароком пересекли Борозду Укко?!

– Эй, скоро вы там? – донесся снизу веселый крик.

Йокахайнен медленно ответил:

– Нет... думаю, мы еще не в Похьэле. И чары, что привели нас к этому оврагу, вовсе не сильны – мы могли и не поддаться им, если бы были внимательнее...

– Йо! – осенило Ильмо. – А если этот овраг и есть Борозда?

– Борозда незрима, – возразил Йокахайнен. – Для людей она как бы и не существует. Это только для тунов она непроницаема. А что они видят – то только им ведомо...

Они постояли на краю, осматривая окрестности оврага, словно ожидая увидеть признаки незримой Борозды Укко.

– Не хочу я туда спускаться, – сказал Йокахайнен. – Если там кто-нибудь нападет – уже никуда не денешься. Хоть и не люблю я лес, а все же он лучше: иди куда хочешь. А тут один путь остается – вперед...

Они спустились вниз, вытряхнули песок из сапог и портянок. Позади послышалось унылое карканье. Звучало оно прощально.

– Ты глянь, – обернулся Ильмо, – а ворон-то за нами не летит! Так и сидит на ветке!

Йокахайнен нахмурился.

– Помнишь, господин мой Вяйно сказал, что ворон полетит за нами только до границы? Ильмо, ты был прав – Похьела совсем близко!

Голоса вдалеке уже не были слышны.

– Поспешим, – с тревогой сказал Ильмо, выкинув ворона из головы. – Надо догнать их!

Дальше отряд шел молча, держась настороже. Веселье как-то незаметно сошло на нет, о маслятах и думать забыли. Крутые желтые стенки оврага, казалось, зловеще нависают, застилая небо, а за каждым поворотом притаился враг. Какой именно враг – тун, хийси или еще какая тварь – не угадаешь, а оттого еще тревожнее. Ахти на всякий случай держал наготове свой меч из саксонского святилища. Меч он назвал Плачущим. У всех легендарных мечей должно быть имя. Ну а в том, что меч непременно станет легендарным, Ахти не сомневался. У Аке за поясом была обычная боевая секира. Йокахайнен и Калли несли короткие тяжелые охотничьи копья, малопригодные для боя. Ильмо взял с собой в поход легкий лук. Стремянной самострел, оружие мощное, но громоздкое и тяжелое, он оставил на горе у Вяйно.

День клонился к вечеру. В овраге всё темнело. Одна радость – вроде бы стенки стали ниже, или дорога пошла вверх. Наконец впереди между стволами мелькнуло вечернее небо. И в тот же миг Йокахайнен, шедший первым, резко остановился.

– Что случилось? – спросил Ахти из-за его спины.

Несколько мгновений они топтались на месте. Ильмо быстро оглянулся по сторонам, но ничего подозрительного не заметил.

– Почему бы нам не пойти дальше? – проговорил Ахти, наблюдая, как Йокахайнен водит перед собой руками и втягивает носом воздух. – Эй, нойда! На колючку наступил, что ли?

Йокахайнен даже ухом не повел.

– Эй! Чего унюхал, спрашиваю?

– Не шуми, – оборвал его Ильмо. – Постой спокойно хоть чуть-чуть. Правда, здесь как-то нехорошо.

Ахти неохотно замолчал, и Ильмо, прикрыв глаза, принялся слушать – как учил его Вай-немейнен. И почти сразу на него нахлынул страх. Источник страха был впереди, на прогалине. Ощущение угрозы было настолько сильно, что даже не склонный тревожиться попусту Аке почувствовал беспокойство. Краем глаза Ильмо заметил, как его рука потянулась к рукояти секиры.

– Ну что, не говорил ли я, что нас ведут?! – сердито воскликнул вдруг Йокахайнен, открывая глаза и оборачиваясь. – У леса конца-края нет, иди, где хочешь, – а мы, словно нарочно, притащились в самое неподходящее место! А всё потому, что слишком беспечны!

Калли вздохнул и тупо уставился себе под ноги. Ахти вытащил меч из ножен. Ильмо наложил стрелу на тетиву и выжидающе взглянул на Йокахайнена.

– Что там? – отрывисто спросил Аке. – Засада?

– Не знаю, – после паузы ответил Йокахайнен. – Там не люди, не туны и не хийси. Кажется, не засада. Но там что-то есть, это точно. Ох, лучше бы нам не ходить туда...

– А у нас есть выбор? – тихо спросил Ильмо. – Или туда – или обратно...

– Раз не туны и не хийси, так чего мы здесь топчемся?! – воскликнул Ахти, отпихнул с дороги Калли и двинулся вперед. Ильмо последовал за ним, вглядываясь в ранние сумерки.

Вскоре овраг кончился. Стенки расступились, тропинка пошла вверх. Перед ними была неглубокая песчаная котловина, по сторонам ее темнел лес. За котловиной поднимался невысокий холм. Тропа взбиралась на него и исчезала в лесу. Черные ели, обрамляющие склоны холма, на багровом закатном небе выглядели угрожающе.

А на дне котловины, распахнув крылья, поднималось на дыбы чудовище. Лягушачьи ноги полусогнуты, руки с выпущенными когтями подняты в жесте устрашения. Вместо лица – мерзкая морда с распахнутым клювом и высунутым языком. Казалось, что чудовище только что вылезло из песчаной ямы и сейчас кинется на них. На миг путешественники застыли в ужасе, забыв об оружии. Потом с тетивы Ильмо сорвалась стрела – и, взвизгнув, отскочила от лба чудовища. Воины отшатнулись, ожидая худшего, но урод даже не шевельнулся.

– Это же каменный идол! – воскликнул Ильмо.

Оружие опустилось, путешественники один за другим спустились в котловину и окружили мерзость. Страх понемногу отступал.

– Каменной птицы испугались! – хихикнул Калли и бросил в чудовище шишку. – А еще воины!

Ахти, вместо того чтобы дать холопу подзатыльник, задрал голову, рассматривая идолище.

– Так это и есть Лоухи? Нет, мы не будем женить Ильмо на ее дочке – это слишком жестоко!

Все расхохотались, кроме Йокахайнена.

– Ты ошибаешься, – угрюмо сказал он. – Это не Лоухи, а Калма, богиня смерти. Видите, половина идола черная? Это потому, что она одной ногой в Хорне, другой – здесь.

– Калма, не Калма – какая разница? – сказал Аке. – Зачем ее здесь поставили – вот в чем вопрос!

– Я догадался, – сказал Ильмо. – Здесь кончается власть Тапио. Это знак рубежа.

– Иными словами, мы вышли к границе Похьёлы, – кивнул Йокахайнен. – Вот почему ворон нас бросил.

Все умолкли, не без опаски оглядываясь по сторонам. Что же это – там, за холмом, уже царство демонов, темная Похьёла? А ну как перейдут они котловину – и на них накинута полчища тунов?

– Эй, чего умолкли? – нарушил молчание Ахти. – Там точно такой же лес – бояться нечего. А это всего лишь каменная крылатая жаба...

Он поднял ногу, чтобы пнуть чудовище, но Йокахайнен резко оттолкнул его:

– Не трогай! Никто, – оглянулся он, – не должен к ней прикасаться. Давайте-ка уйдем отсюда.

– Да уж, пошли, – поддержал его Калли. – Мне всё кажется, что она на меня смотрит. Не ожила бы ночью...

– Это же просто камень! – ободряюще сказал Ильмо.

– Тут уже, считай, Похьёла, – возразил нойда. – В ней всякое возможно. И вот еще.... Пойдете мимо Калмы, не глядите ей в глаза.

Они перешли ложбину, проходя под свирепым взглядом Калмы, нависшей над ними черным чудовищем, и по спинам у них бегали мурашки. Слово богиня смерти выползла из Хорна, чтобы лично приветствовать незваных гостей. Йокахайнен был так мрачен, будто именно это и произошло. Он первым взобрался на холм. Впрочем, за холмом был точно такой же сырой хвойный лес, по какому они путешествовали уже не первый день.

До самого заката они шли, прислушиваясь к каждому треску и шороху в кустах. Про Похьёлу ведь чего только не говорят у карьяла. Что это обратная сторона мира. Что она – вход в царство мертвых. Что это вечно туманный и темный край, где никогда не бывает солнца. Что во всей Похьёле только снег и лед... Что тут за каждым кустом сидит хийси... Казалось – вот-вот расступятся деревья – и блеснет черный поток Маналы... И жутковато, но ведь и любопытно!

Но ничего не менялось. Их окружал привычный, всем с детства знакомый лес. Сквозь ветви пробивался неяркий свет заходящего солнца, попискивали птицы, пахло грибами. Когда солнце ушло за деревья, расположились на ночлег. За обычными хлопотами – развести костер, набрать воды – все как-то и забыли, что они уже в Похьёле. После ужина Ахти торжественно заявил, что легенды о ледяной стране колдунов всегда казались ему преувеличенными, и Аке его охотно поддержал.

– Таков уж людской обычай – все чужеземное кажется враждебным, – рассудительно сказал он. – Наверняка похьёльцы того же мнения о карьяла. Небось мнят своих южных соседей злостными чародеями и трясутся от страха, о вас вспоминая!

– Что-то Рауни не больно трясся, – возразил Ахти.

– Похьёльцы всех соседей считают рабами, – сказал Йокахайнен. – Рабами или пищей. Не сейчас, так в будущем.

– Может, вас, саами, и считают рабами, – не без презрения заметил Аке. – А варгов...

– А варгов – наемниками. Погоди, Аке, – холодно ответил Йокахайнен. – Вот когда пятнадцать кланов придут к согласию, тогда всем плохо придется...

– Но такого не будет. Не ты ли сам говорил, что они враждуют от века? – вмешался Ильмо. – Кстати, что это ты вертишься?

Хотя его поначалу и раздражал высокомерный и самоуверенный нойда, но постепенно они сошлись. Йокахайнен оказался необычайно интересным собеседником, ему нельзя было

отказать ни в уме, ни в наблюдательности, а главное, он очень много знал об искусстве магии. То есть о том, чего так и не смог освоить Ильмо. Когда только успел выучиться? В свои юные годы – а он был ненамного старше Ильмо – Йокахайнен был уже настоящим чародеем. А тревогой чародея пренебрегать не след.

– Что есть идол? – произнес саами вместо ответа на вопрос Ильмо, словно бы про себя. – Не что иное, как дверь в невидимое!

Ильмо не понял.

– Идол божества подобен двери, а лучше сказать – окну, через которое божество может выглядывать в мир людей. Не просто так мы вышли к этому месту. Думаю, идол Калмы обладает собственной силой, он притягивает к себе путников. Потому я и не смог распознать чары тогда, в лесу, и у оврага...

– А, вот оно что. Ты боишься, что нас обнаружат. Но, Йо, ведь призвать божество через его изображение не так просто. Я помню, как Локка ночами мучилась, распевая заклинания и окуривая фигурки богов, а они всё не являлись...

– Ты прав. Чтобы призвать Калму, нужна живая кровь. Но кроме самой Калмы тут немало ее слуг – и не только тунов... Достаточно совсем малого, чтобы привлечь к себе внимание кого не надо. Всё думаю о твоей стреле...

– Да, начало вышло неудачное, – согласился Ильмо и погрустнел.

– Хватит уже пугать-то! – рассердился Ахти. – Честно говоря, не вижу, чем «владения Калмы» отличаются от обычного леса.

Скоро увидишь, – посулил Йокахайнен.

Глава 2

На летних гнездовьях

Озеро Туони прячется в долине, окруженной крутыми склонами скалистых гор. Посреди озера высится остров, такая же голая остроконечная скала. Эта скала, волей тунов и искусством нескольких поколений людей – рабов и наемников из южных стран, – превращена в настоящий пещерный замок. Просторные подземные залы, безупречно ровные коридоры и переходы, сводчатые потолки и колоннады. Игра света и ветра в стрельчатых окнах... Никаких лестниц тут нет – зачем лестницы крылатым тунам? Только кое-где виднеются хлипкие мостки, опутывающие скалу, как осенние паутинки. Мостки ведут вниз, на противоположный берег озера, где на длинной косе располагается поселок рабов. Точнее, стойбище, потому что все они принадлежат к племенам саами. Никому из людей не разрешается ночевать на острове, дабы они не оскорбляли своим присутствием величие скальных чертогов. Лоухи, которая не уставала повторять, что лучшее жилье для туна – собственноручно построенное гнездо из водорослей в какой-нибудь уютной расщелине, на сей раз отступила от своих строгих принципов и не поскупилась на обустройство скального дворца. Туонела, летнее гнездовье рода Ловьятар, – чудо северных стран, место отдыха и развлечений.

Летом тут царит невиданная красота. Солнце не заходит ни днем ни ночью. Всюду цветы – розовый багульник, алая гвоздика; куда ни глянь, на скалистых берегах россыпи белых, желтых, лазоревых, сиреневых соцветий. Мимолетная, хрупкая, беспомощная, упрямая красота. В тени лежит многолетний снег, а рядом на солнечной стороне бегут ручьи, и сквозь промерзшую, едва обогретую солнцем почву уже пробиваются ростки. Над скалами ветер веет сложными и нежными ароматами. Ночами цветы тысячами уничтожает холод, они никнут и вянут под призрачным светом ночного солнца – а следующим утром на месте замерзших распускаются тысячи новых... Им надо успеть расцвести и принести семена, пока тепло.

Весной на озеро Туони прилетают птицы – гуси и утки. День за днем бесчисленные стаи рушатся в озеро. Туны лениво летают среди них, выбирая себе добычу пожирнее, но птиц так много, что охота не приносит стаям никакого ущерба. Впрочем, для тунов птичье мясо – весеннее лакомство. Туны рода Ловьятар традиционно предпочитают морскую рыбу...

Это летом. А зимой озеро замерзает, и там не остается ничего, кроме снега, льда и голых острых скал. Всё черное и белое. И долгая, безнадежная тьма полярной ночи...

Лоухи стояла у окна и глядела на озеро. Был пасмурный осенний день, без надежды на скорое прояснение. В высоком сером небе тянулись к югу косяки птичьих стай. Последние птицы покидали Похьёлу. Цветы давно отцвели. Даже мхи поблекли.

В сотнях локтей внизу, под стеной замка, тускло мерцала серая вода озера. Каменистые берега, бурые мхи, мрачные скалы... По весне здесь днем и ночью стоит невероятный птичий гвалт. Но птиц больше нет, и теперь тишина давит на уши. Озеро Туони готовится к зиме.

«Вот и птицы улетели, – думала Лоухи. – Как же мы тут перезимуем? Чем будем питаться, когда озеро замерзнет?»

Хозяйка Похьёлы вспомнила о Луотоле, и перья у нее на плечах встопорщились, словно сзади подул холодный ветер.

«Зима совсем близко! У меня очень мало времени, чтобы разобраться с сампо. Мы сами себя загнали в ловушку!»

Да, Луотола, зимнее гнездовье и лучшая гавань Похьёлы, была потеряна для клана Ловьятар. Сампо, чудесная мельница, исполняющая желания, обернулась проклятием. Внезапно она обрела собственную волю, перестала подчиняться Лоухи и отобрала у нее всё, что даровала прежде. Власть Лоухи над похьёльскими кланами пошатнулась. А как ей не пошатнуться, если

проклятое сампо лишило ее род пристанища и главного источника дохода? Раньше Луотола была единственной гаванью, через которую у тунов шла торговля с людьми. А теперь она – поистине адское место. Как будто Врата Хорна приоткрылись, и наружу полезла такая мерзость...

Лоухи с содроганием вспомнила, как выглядела Луотола в середине осени, когда они с дочерью осмелились туда слетать. Надеялись, что вулканы уснут, – какое там! Пустынные черные утесы, освещенные багровыми всполохами, судороги земли, обвалы, оползни, бурлящая лава и вдобавок – страшные существа, ползающие по черным скалам. Именно они теперь истинные хозяева ее родового гнезда!

Когда сампо начало меняться, все люди, конечно, тут же удрали из Луотолы – и обратно пока не торопились. Хотя шпионы Лоухи докладывали, что летом полосатые паруса варгов несколько раз появлялись в заливе, но никто так и не решился высадиться на берег. Пока они боятся; к тому же надеются, что Лоухи наведет порядок и Луотола станет прежней. Но Лоухи уже знала: они всё равно вернутся следующей весной – жадность варгов сильнее страха, – но обратятся уже не к ней, а к ее вечным соперникам – клану Кивутар, что селится вдоль западного берега залива. Там плохой берег, много мелей и шхер – но варгов это не остановит. Вскоре будет построена новая гавань, возобновится торговля... И кто же после этого назовет себя Хозяйкой Похъёлы?

А тут еще новая забота – эти северяне, когтистые охотники на тюленей из клана Этелетар! Что им не сидится на своих ледяных торосах? Почему они всё чаще появляются в окрестностях Туони, зачем шастают вокруг отравленной Луотолы? Лоухи вспомнился их вожак, что прилетал к ней в середине лета – якобы в гости. Могучий тун, неприятно напомнивший ей Белого Карху. Такой же тяжелый и медлительный – и как только летает? – но моложе ее, белоголовый и белокрылый. И кажется еще огромнее из-за толстого слоя пуха под перьями. Иначе на Вечных Льдах не выжить. Его речи были вежливы и почтительны, но глаза – как бездонные воды ледяного моря Руйян-мери, похожие на жидкий металл. Он наверняка что-то разузнал про сампо... Лоухи бы охотно пустила его в Луотолу, чтобы он там подох, – но вдруг у него получится добраться до мельницы? Это будет конец всего...

– Мама...

Лоухи обернулась:

– Что?

– Я его не вижу.

Ильма стояла в центре круглого светлого зала. Вдоль его стен были рядами расставлены лари, которые под страхом смерти запрещалось открывать кому-либо, кроме Лоухи и ее дочери. Пол в этом зале выглядел так, словно его создала сама скала: повинуясь магическому приказу, сморщилась и свилась в сходящуюся спираль. Между гребнями спирали, в неглубоких канавках, камень порос зелеными и бурыми пятнами лишайников, и каждая из этих канавок вела в середину, к небольшому круглому колодцу с прозрачной водой. Весь зал был устроен так, что казался зеленым, с красными прожилками, глазом, а колодец – его зрачком. В это оконце – зрячую гадательную чашу рода Ловьятар – и заглядывала Ильма.

– Ильмаринена нигде нет, – в голосе девушки прозвучала легкая растерянность. – Вода не показывает его!

– Дался тебе этот Ильмаринен, – досадливо проворчала Лоухи.

Лоухи со всеми своими новыми бедами почти забыла про предсказание и парня из рода Калева, который якобы отберет у нее сампо. Слишком ясно теперь ей стало, что предсказание было ложным. Даже туны не смогли совладать с сампо – куда уж жалким бескрылым людям? Она бы и вовсе выкинула из головы карьяльского «героя», если бы не одно обстоятельство – именно он убил ее сына Рауни. Кипя ненавистью, она призвала на его голову гибель, и сампо

посоветовало ей обратиться за помощью к Белому Карху. Так она и поступила и на этом сочла дело законченным.

Но Ильма так не считала.

– Ну что там у тебя?

Лоухи подошла, следуя вдоль спирали, и заглянула в чашу. Нагнулась, пригляделась внимательнее.

– В самом деле, – пробормотала она. – Непонятно. Не далее как позавчера один из пограничных стражей послал сигнал, что граница нарушена... Может, ошибка? Идол там стоит не первое столетие, мог обветшать... И с чего ты взяла, Ильма, что это был именно тот карьяла? Он что, безумец – лезть в Похьёлу сразу после того, как убил нашего Рауни? Небось отсиживается под крылышком у старого Вяйно, чтоб им обоим пусто было...

– А я уверена, что это он, – упрямо сказала Ильма. – Предсказание гласило...

– Да забудь ты про это предсказание! Не до него!

Девушка задумалась, накручивая на палец пряжку иссиня-черных волос.

– Ну ладно, – словно одолев сомнения, сказала она. – Сейчас я тебе докажу.

Она подошла к одному из ларей и вытащила веретено. На белой пуховой пряже четко виднелись грязные отпечатки.

– Это еще что?

– Мое веретено, – кратко ответила Ильма. – Ильмаринен взялся за него рукой. А рука-то была в крови – его перед тем крепко избили. Сейчас попробуем поискать на кровь – ошибки не будет.

– Когда это он брался рукой за твое веретено? – с подозрением спросила Лоухи. – Вы что, знакомы?

На губах Ильмы мелькнула усмешка. Она промолчала. Лоухи не стала ее выпрашивать – это было ниже ее достоинства.

Последнее время дочка начала ее удивлять. Дети вообще оказались совсем не так просты, как она полагала. Сначала Рауни за ее спиной заключил какой-то договор с Карху. Теперь Ильма... Казалось бы, никаких козней против нее дочь пока не плела. Или плела, но очень тонко – что, безусловно, заслуживало похвалы. Но в одном Лоухи была уверена: дочь гораздо лучше смыслила в ворожбе, чем стремилась это показать. Кое в чем – особенно в том, что касалось добычи сведений или путешествий по Изнанке, – Ильма, похоже, уже обскакала мать. «Значит, скрывала свои умения, пока был жив Рауни, – подумала Лоухи. – Он бы не потерпел, будь сестра в чём-то искуснее его. Умница! Надо быть с ней поосторожнее...»

Ильма отщипнула клочок запачканной кровью пряжи и бросила в воду. Обе женщины склонились над чашей. Клочок пропитался водой и медленно опустился на дно. Но поверхность оконца оставалась неподвижной и прозрачной.

«Кто же там прошел? – думала Лоухи. – Снова полезли какие-нибудь райдены? Помнится, лет пятьдесят назад они появлялись у границы каждое лето. Но сейчас осень...»

– Ты уведомила Хиттавайнена? – спросила Ильма, вглядываясь в воду.

– Его не надо уведомлять, – недобро хмыкнула Лоухи. – Если там в самом деле прошли какие-то люди, он и сам их найдет. И помогай им тогда все их южные боги!

Ильма оторвала взгляд от воды, с любопытством покосилась на мать и задала вопрос, который давно вертелся у нее на языке:

– Мама, ты никогда не думала о том, что поступила с Хиттавайненом довольно... подло? Ведь, я слышала, вы с ним были...

– «Мы с ним были»! – передразнила Лоухи. – Сплетница!

Она была недовольна. Дочка опять разнюхала вещи, о которых ей знать не полагалось. Не то чтобы это была важная тайна, но способность дочери выведывать чужие секреты ей не нравилась всё сильнее.

– Во-первых, тебя это не касается. А во-вторых, поверь, милая: Хиттавайнен получил именно то, что заслужил. Просто я привела его внешний облик в соответствие с его внутренней сущностью, хе-хе...

– Нет, ты его обманула. Он хотел гораздо большего, он мечтал о власти, а ты превратила его в пса на цепи... И он тебе этого никогда не простит. Ни тебе, ни всему нашему роду. Знаешь, мам... не хотела бы я встретиться с Хиттавайненом на узкой дорожке.

– Я бы тоже, – ухмыльнулась Лоухи. – Думаешь, почему я никогда не летаю в предгорья? Не только из-за старого Карху. Но Хиттавайнен связан закланием Калмы. Хочет он или не хочет, а будет мне служить.

Лоухи прищурилась, словно о чем-то вспомнив.

– Вообще, ты рано заговорила о нем. Я не думаю, что эти люди, кем бы они ни были, вообще до него дойдут. Кстати, вот тебе и объяснение, почему пропал сигнал.

– Что ты имеешь в виду? – резко спросила Ильма.

– Болото.

Ильма нахмурилась.

– Да, в самом деле... Они как раз сейчас должны его проходить.

– Это единственный прямой путь к Пасти, – добавила Лоухи. – Что ж, болото – даже лучше, чем Хиттавайнен. Когда он голоден, то убивает слишком быстро. На болотах же они вдоволь помучаются перед смертью.

Ильма ничего не ответила. В отличие от матери она-то была практически уверена, что в Похьёлу направляются не какие-то случайные охотники, а именно Ильмаринен. А герой, появление которого предсказано самой Калмой, едва ли позволит себя запросто утопить. Но почему же вода в чаше по-прежнему прозрачна? «Он наверняка нашел какой-то способ ускользнуть от поиска, – утешила себя Ильма. – Это было бы славно. Хотя я не представляю, как он это устроил. Единственный способ укрыться от поиска по крови – выпустить ее из жил целиком».

Она рассеянно глянула в оконце, уже не надеясь на успех, и вдруг воскликнула:

– Вижу! Мама, смотри!

Лоухи нагнулась над чашей.

– Неужели все-таки твой проклятый карьяла? Ну и где он?

– Совсем слабый сигнал, – проговорила Ильма, вглядываясь в воду... и добавила упавшим голосом: – Из земель карьяла. Из Калева.

– А что тебя удивляет? Я же сразу сказала, что он сидит дома!

– Нет, нет! Я не могла ошибиться! Это что-то совсем другое... Неужели он мог вернуться так быстро?

– Еще один потомок богов появился? – пробормотала Лоухи.

Дочь и мать переглянулись.

– Я должна отправиться туда и всё разузнать, – твердо сказала Ильма.

– Нет уж, сиди дома, – тут же возразила Лоухи. – Разведаю я. И не через Изнанку, где тебя немедленно перехватит Вьяйнемейнен...

– А как?

Теперь пришел черед Лоухи загадочно ухмыляться.

– Есть иные пути. С возрастом ты их узнаешь. Ильма, ты у меня теперь единственное дитя, тебя надо беречь. Что будет со мной и с нашим родом, если у меня не останется наследников?

Настоящая причина, конечно, была другая. Проверить источник слабого звоночка – дело быстрое и несложное. Но где уверенность, что потом дочь расскажет ей правду?

Глава 3

Через болото

Прошло уже несколько дней с того дня, как отряд вступил на земли Похьёлы. На севере за лесом все четче виднелись горы – два острых белых пика выше облаков и далекая зубчатая гряда, опоясавшая край неба. Но пока местность становилась всё более сырой. Чаше попадались мелкие заболоченные озера с топкими берегами, сплошь заросшие камышом. Над мхами и осокой то и дело вздымались ледниковые валуны в человеческий рост, похожие на серые выбитые клыки какого-нибудь древнего чудовища. Ильмо как-то спросил Йокахайнена, не сейды¹ ли это, но тот только покачал головой:

– Саами в эти места никогда не забирались. Тут больная, мертвая земля. Под этими мхами и грязью Вечный Лед – на много локтей вглубь. Неужели ты не чувствуешь, как он дышит холодом?

– Ничего! – воскликнул Ахти. – Недолго нам осталось тут мочить ноги. Вон они, горы, – он махнул рукой на север. – Видите, и деревья стали реже. Сейчас поднимемся на ту горушку – и глянem, далеко ли осталось...

Но когда они поднялись на пологий холм, перед ними открылась обширная равнина, почти до горизонта поросшая редкими полусгнившими деревьями, покрытая пятнами ярко-зеленых и бурых мхов, ползучим кустарником. Тускло блестела вода, в воздухе стоял звон комаров и разноголосое чириканье множества птиц. Над равниной стояла сизая дымка, где-то в тумане маячил красный диск солнца.

– Проклятие! Да это же болото!

– Трясина, – уточнил Ильмо.

Несколько мгновений они молча стояли на краю огромной топи. Калли измерил взглядом болото, скинул с плеч лыковый короб и растянулся на траве. Остальные один за другим последовали его примеру.

– Интересно, а обойти его никак нельзя? – задумчиво спросил Аке.

Ильмо молча покачал головой. Болото выглядело бескрайним.

– Ох как мне не хочется туда идти! – сказал Йокахайнен в сердцах. – Наплачемся мы в этом болоте, попомните мои слова!

– Ладно тебе каркать, – бодро отозвался Ильмо. – И не через такие топи лазали. Сейчас уже вечереет. Переночуем здесь, а завтра на заре выступим. Кто, кроме меня, умеет ходить по болоту?

Никто не ответил.

– Ничего, я вас научу. Надо будет изготовить длинные шесты – и идти след в след. Главное, правильно выбирать дорогу – это я возьму на себя. Не впервой.

Впрочем, Ильмо sluкавил: в подобное место он по доброй воле никогда бы не сунулся. Но сейчас другого пути не было.

Малиновый круг солнца уже коснулся гор, когда путешественники разбили лагерь на том самом лесистом взгорке, с которого увидели заболоченную равнину. Аке развел костер, Калли занялся готовкой. Йокахайнен от участия в хозяйственных хлопотах, как всегда, уклонился – он бродил вокруг холма, что-то бормоча себе под нос. Время от времени он наклонялся и связывал вместе травинку с травинкой – плел невидимую ловчую сеть из заговоренных узелков.

¹ Сейд – в саамских мифах человек, превращенный колдуном в стоячий камень. Таких камней много в Карелии, им приписывают магическую силу, а некоторым из них поклоняются до сих пор.

Ильмо прошелся по окрестностям с луком, но вернулся без добычи, так что пришлось довольствоваться ржаными сухарями и кусками жареной утки, недоеденной накануне.

– Еда готова! – громко сказал Калли.

Ахти, давно уже болтавшийся возле костра, первым схватил кусок темного мяса и засунул его в рот. В тот же миг, переменившись в лице, он полез пальцами в рот и вытащил длинную зазубренную кость. Калли заботливо похлопал его по спине.

– Ты что, смерти моей хочешь? – прохрипел Ахти.

– Ну извини, – нахально ответил Калли. – Недосмотрел. И откуда в такой маленькой птичке столько костей? Зачем они ей?

– Тебя бы в лесу поселить, одного. На цепи. Что ты за человек такой вырос, милостью богов оставленный? Куда твои родичи смотрели?

– Родичи-то меня и продали, – печально произнес Калли. – После того как дядюшка мой в одночасье помер.

– Небось утицей его угостил, как меня?

– Нет, – серьезно ответил Калли. – Он это... рыбачить пошел, да и утоп вместе с лодкой. Я не нарочно, просто лодка была уже старая, он сказал – законопать, засмоли, ну я и сделал что он велел. А лодка, как была негодная, так и осталась. Там смоли – не смоли, плыть нечему...

– Так что ж ты его не предупредил? – сквозь смех спросил Ильмо.

– Так он не спрашивал.

Ахти криво ухмыльнулся, выбрал другой кусок, придирчиво осмотрел его на предмет наличия костей, признал годным и откусил сразу половину. Во рту что-то хрустнуло. Ахти замычал и схватился за челюсть.

– А в детстве со мной произошел такой случай, – продолжал раб, не обращая внимания на мычание Ахти. – Послали меня в лес – коров пасти. Эти паскуды тут же разбежались кто куда, я замаялся, пока их собирал. Только было присел дух перевести, на опушку вылезает медведь. А при мне только палка да нож. Мне бы бежать – а я стою, рот раскрыв, и смотрю, как он на меня идет. Так что вы думаете? Медведь подошел, посмотрел на меня этак задумчиво – да и ушел обратно в лес, даже ни одной коровы не задрал.

– Лесной хозяин – зверь мудрый, связываться с тобой, бесталанным, не захотел, – предположил Ильмо. – А то бы подавился твоей тощей ляжкой и издох.

Тем временем Ахти выплюнул на ладонь кусочек кости.

– Повезло тебе, сопля. Если бы это был зуб, я бы тебе такую выволочку устроил!

– Ты-то? Кишка тонка, – хладнокровно ответил Калли.

– А ну, иди сюда, головастик...

– Эй, хватит, – встрял Ильмо. – Калли, не дерзи. Ахти, плюнь ты на него. Дайте поесть спокойно.

Ахти пожал плечами и отвернулся от холопа.

– Сейчас бы пивка, после такого «угощения», – мрачно сказал он. – Аке, признавайся, что там у тебя булькает во фляжке?

– «Морозная настойка», – ответил варг. – Вкус у нее не очень, зато она намного крепче пива и сразу шибает в голову. Прочищает мысли, придает сил, убивает страх... Только варги из южного Норье знают секрет ее приготовления...

– Вкус, говоришь, не очень? Дай-ка, попробую!

– Это на крайний случай, – хладнокровно ответил Аке, убирая подальше фляжку.

– А у меня как раз крайний!

– Вот сломал бы зуб – тогда бы дал глотнуть разок.

– До чего же гнусное здесь место, – с досадой сказал Ахти, поняв, что отведать волшебного напитка ему не суждено. – Пива нет, холоп накормил костями... Да еще этот нойда бродит вокруг с кислой рожей. Эй, Йокахайнен! Ты что там делаешь?

Йокахайнен и впрямь чудил. Закончив плести незримую сеть, спустился к самому подножию холма и теперь, зажмурив глаза, опустился на колени и принялся.

– Плохое тут место, – ворчливо ответил он после очередного окрика. – Проклятое.

– Ну вот, а я о чем говорю! Не просто так я чуть зуб не сломал!

– Проклятое? Этот взгорок? – встревожился Ильмо.

Йокахайнен развел руками:

– Нет, – везде. А хуже всего – там, – и указал на север, на топь за деревьями.

К ночи болото совсем заволокло туманом. Сизые сумерки обернулись непроглядной тьмой, только далеко в небе еще горела тонкая красная полоса заката – словно кровавая рана на черной медвежьей шкуре.

– Надо бы сегодня часовых поставить, – сказал Аке.

– Боишься, что оттуда полезут? – спросил Ахти, зевая и потягиваясь. – А на чары надежды нет?

– Чары надежны, – сказал Йокахайнен. – Если кто-нибудь сюда полезет, узелки разбудят меня и Ильмо. Давайте лучше выспимся как следует перед завтрашним переходом. Но в одном варг прав – лучше перестраховаться, чем не проснуться. Умереть в таком месте... Очень плохо, знаете ли, будет после смерти тем, кто останется лежать в этой грязи.

После таких слов все умолкли. Ильмо так даже спать расхотелось, хотя они шли целый день и порядком устали. Он долго лежал, прислушиваясь к каждому всплеску, пока незаметно не уснул. И когда рядом с ним раздался отчетливый шорох – уже не услышал...

Около полуночи Калли выбрался из спального мешка, лениво поворошил тлеющие угли костра, но снова ложиться не стал. Ему нужно было подумать. Чтобы лучше думалось, Калли вытащил нож и принялся чистить его, хотя клинок и так блестел. «Жаль, что ты не из рода Калева, – подумал он, недружелюбно покосившись на мешок, в котором похрапывал Ахти. – Всё сразу стало бы гораздо проще». Потом перевел взгляд на затылок спящего Ильмо, и по его рукам пробежал холодок. «Да что ж такое? Словно кто-то шепчет...»

Перед выходом Калли принял решение, которое принесло ему большое облегчение, – оставить Ильмо в живых. Но то, что казалось правильным на горе у Вайно, здесь, в Похьёле, вдруг стало выглядеть совсем иначе. Как будто темный взгляд каменной Калмы снова всколыхнул у него в памяти нечто с самого дна, тот полузабытый кровавый ужас времен раннего детства, про который Калли и сам не знал – то ли забыть его совсем, то ли запомнить на всю жизнь.

«Не слабостью ли было мое решение? Собственно, чем Ильмо заслужил жизнь? Чем он лучше своих преступных родичей? Его отец участвовал в разорении дома Калерво, а сам он собирается жениться на Айникки – внучке братоубийцы Унтамо! Какой долг страшнее и крепче, чем долг кровной мести? Как меня предки встретят, если я не убью врагов – всех?»

Калли полюбовался ножом, взвесил его в руке, перехватил поудобнее. Станные, неприличные чувства волновали раба. Как, оказывается, приятно держать в своих руках чужие жизни...

«Да и случай теперь подходящий. Чиркнуть по горлу – и бегом назад! Завтра пойдем через болото – найду ли потом обратную дорогу? А если все потонем, кто уничтожит род Калева?»

Калли шевельнулся, собираясь встать, – и тут одновременно поднялись две головы: черная и рыжая. Калли так и застыл с ножом в руке, и на лице у него было написано всё, как у пойманного вора. Его счастье, что Ильмо и Йокахайнен смотрели в другую сторону.

– Ты это видел? – прошептал Ильмо. – Тень! Черная тень прыгнула вон туда, за елки!

– Я ничего не видел, – ответил Йо. – Но меня разбудили узелки. И тебя, видно, тоже. Кто-то у нас побывал...

Ильмо привстал, опираясь на локоть, оглянулся – и увидел Калли у костра.

– А, ты тоже проснулся? Ты видел ее?

– Нет, – хрипло ответил Калли, пытаясь незаметно спрятать нож.

– Железом ей не повредить, – зевая, сказал Йо и снова нырнул в спальный мешок. – Это был хийси. И он уже ушел. Наткнулся на замкнутый круг и сбежал.

– Будем его искать? – спросил Ильмо.

– А зачем? Тут такое место, что я удивился бы, если бы никто к нам не пришел. Давайте спать.

Больше той ночью никто их не потревожил. И узелки промолчали. Только раз Ильмо проснулся уже под утро. Что-то почудилось ему, некое движение у костра. Он быстро поднял голову – Калли так и сидел, опустив лицо на руки, – то-ли спал, то ли плакал.

– Шел бы спать, – тихо окликнул его Ильмо.

Калли не отозвался. Ильмо повернулся на другой бок – и вскоре опять заснул.

Утро выдалось серое, промозглое. В воздухе висела дымка, небо затянули обложные тучи. Путешественники вставали неохотно, с кашлем и ворчанием выбираясь из спальных мешков тюленьей кожи. У Ильмо саднило горло, вся одежда пропиталась туманной моросью.

– Как тихо тут на рассвете! – сипло сказал Аке, укладывая вещи. – Птицы не поют... Даже лягушки не квакают. Только комарье проклятое так и зудит...

– Так осень, – отозвался Ильмо. – Лягушки спят.

– А клюква где? – встрял Ахти. – Что это за болото без клюквы?

Ильмо пожал плечами. Похъёльский лес, на первый взгляд такой же, как в землях карьяла, начинал понемногу открывать свою гнусную сущность. И отсутствие клюквы по сравнению с тем, что ждало их впереди, было сущим пустяком.

Собравшись, они один за другим спустились с холма. Но не прошли и десятка шагов, как под ногами зачавкала грязь.

– Проклятие! – прошипел Ахти, высоко поднимая ноги. – Сапоги промочил!

– Стойте! – воскликнул вдруг Йокахайнен изменившимся голосом. – Назад!

Все замерли. Аке глянул под ноги и выругался на своем языке.

Их окружала трясина. Куда глаза глядят – и вправо, и влево, огибая мысом холм, где они заночевали, простерлась зелено-бурая топь.

– Что-то я ничего не пойму, – сказал Ахти. – Вроде вчера тут был лес... Ничего в этой хмари не разобрать. Саами, ты колдун или нет? Разгони туман, надо осмотреться...

– Думаешь, это так просто... – начал Йокахайнен, но его перебил Ильмо:

– Дайте-ка я попробую!

Нойда взглянул на него с сомнением. А Ильмо выпрямился, сунул два пальца в рот и залиvisto засвистел.

– Вайно так всегда делает, когда рыбу ловит и ему нужен попутный ветер, – виновато улыбнулся он, поворачиваясь к друзьям. – Не знаю, поможет ли...

– Уже, – отозвался Аке, показывая на север.

Кожи словно коснулось холодное дыхание. Туман заколыхался, словно занавесь, и начал понемногу отступать. Вскоре путешественники увидели, что творится вокруг, и ужаснулись. Лесистый холм, где они заночевали, в самом деле оказался островом посреди огромной топи. Калли нарочно сбежал посмотреть на другую сторону холма – топь была везде.

– Должно быть, мы вчера не заметили, да и забрались в сумерках слишком далеко, – предположил Ахти, неуверенно поглядывая на Ильмо.

– Нет, это злые чары! – решительно возразил Йокахайнен. – Трясина подобралась ночью и окружила нас! Чтобы мы никуда не ушли!

– Будем возвращаться? – деловито спросил Аке.

– Она нас не отпустит!

– Эй, успокойся, не трясись! – Ильмо положил саами руку на плечо. – Это всего лишь болото. Возвращаться не будем, это глупо. До предгорий, – он прикинул на глаз, – мы должны дойти за день.

– Да уж, – проворчал Ахти. – Не хотелось бы ночевать *там*!

И показал подбородком в слоистый туман до края земли, над которым тянули к небу голые ветки редкие мертвые деревья.

Путешественники вернулись к месту ночевки и принялись готовиться к нелегкому переходу. Увязали покрепче вещи, вырезали себе по длинной прочной лесине. Ильмо обычно нес лук разобранным, но тут вытащил колчан, натянул на рога тетиву. Затылком поймал чей-то взгляд, обернулся – Ахти одобрительно кивнул ему и коснулся рукояти меча, которая, как всегда, торчала из-за его левого плеча.

Солнце неспешно всходило где-то за серыми облаками, отступал туман. Колдовской ветерок, вызванный Ильмо, сменился крепким студеным ветром с гор. По воде в болотных окошках побежала рябь.

Ильмо шел впереди, выбирая дорогу, за ним цепочкой – остальные. Охотник держался поближе к деревьям, чутьем выбирал надежные кочки. Сразу за ним шел Йокахайнен. Лесины он не взял, как ни настаивал Ильмо. Нойда шагал, повернув руки ладонями к топкой земле, и тихо тянул себе под нос что-то ноющее на одной ноте, как выразился Ахти, «словно придавленный комар».

Шли они достаточно быстро и еще до полудня прошли изрядный кусок пути. Ни разу не сбились с надежной почвы, никто еще не провалился глубже, чем по колено, – всё благодаря умению Ильмо выбирать дорогу. Друзья не знали, что он с тревогой ждет того мгновения, когда кончатся деревья, удерживающие корнями землю.

Впереди уже простиралось ровное пространство: буро-зеленый, бархатный моховой ковер, упругий, мягко уходящий из-под ног. В сочной зелени мха ярко блестели алые капли клюквы, словно разбрызганная кровь. Целые россыпи клюквы – отродясь ее тут никто не собирал. Там-то и начиналась настоящая трясина, где зыбкая почва ходила ходуном, ускользая куда-то вниз при каждом шаге. А если этот моховой ковер прорвется, расплзется под ногами – под ним окажется бездонная жидкая грязь...

Живые деревья вокруг кончились. Только кое-где торчали гнилые березовые стволы без коры и листьев. Ковер мха уже начал опасно качаться и проседать под ногами. Ильмо остановился.

– Послушайте меня все, – сказал он, оборачиваясь к цепочке. – Йокахайнен, будь добр, прекрати свое зудение и тоже выслушай. Если кто-то провалится – не шевелиться, понимаете? Не дергаться, не рваться. Лесину ни в коем случае не бросать. Если что – положить поперек...

И тут Аке, шедший последним, вскрикнул – и ухнул вниз, словно кто-то из-под земли дернул его за ноги. Все на миг замерли, а потом, тут же забыв о советах Ильмо, кинулись ему на помощь.

– Ахти, стоять! Аке, замри!

Ахти послушно застыл на месте. Аке глухо выругался, боясь вздохнуть. Он провалился почти по грудь.

– Да что же это делается, братцы! – растерянно прохрипел он. – Ведь казалось, стою на твердом...

– Успокойся, ничего страшного не случилось. Вот я вам сейчас и покажу, что делают в таких случаях. Ахти, не подходи к нему. Осторожненько протяни ему свою лесину, чтобы он за нее ухватился... А ты, Аке, держись крепче – сейчас потянем...

Аке, стараясь даже не дышать, взялся двумя руками за шест. Вдруг его лицо застыло и ужасно побледнело. Через мгновение он заорал и рванулся вперед, тут же провалившись по самую шею и едва не утянув за собой Ахти. Того выручил Калли – схватил за пояс, рванул на себя. Оба тут же потеряли равновесие и упали в мох. Брызнула во все стороны грязная вода. В этот миг прозвучал шипящий выкрик на не известном никому языке. Ильмо качнулся, словно его ударило ветром, и тоже свалился. Из-под земли повалил вонючий коричневатый дым. Аке вылетел из трясины как поплавок, и упал на живот, весь с ног до головы в густой коричневой грязи. Он лежал, скорчившись, и тряся, не в силах выговорить ни слова. На том месте, где он только что вязнул, остался разрыв во мху – яма с жирной грязью. В ее недрах что-то утробно булькнуло, на поверхности вспух и лопнул желтый пузырь. Запахло омерзительно – гнилью, падалью...

– Йокахайнен, – хрипло проговорил Ильмо, поднимаясь на ноги. – Вайно же запретил тебе применять похъельские чары! Ты нас всех мог погубить!

– Ты будешь меня учить колдовать? – ядовито ответил Йокахайнен, опуская руки, вздетые в магическом жесте. – Если знаешь лучшее изгоняющее заклинание, почему сам его не спел, а стоял как пень? Лучше бы поблагодарили, что ли...

Ахти шумно перевел дух.

– Что это было, а? Ты чего так заорал, Аке? Чего задержался?

– На меня что-то напало там... под водой, – с трудом ответил тот. – Ноги...

Когда кое-как оттерли с варга грязь, обнаружилось нечто поразительное. Кожаные штаны на его бедрах были прокушены и растерзаны, из кусаных ран сочилась кровь, мешаясь с грязью.

– Ничего себе! – воскликнул Ахти. – Тебе там ничего особенно ценного не откусили?

Аке, снова побледнев, поспешно ощупал себя и выдохнул с облегчением:

– Вроде нет... Не успели...

– Так что на него напало-то? – поинтересовался Калли.

– Мы это скоро узнаем, – зловеще ответил Йокахайнен. – Я его отогнал... но оно наверняка вернется.

Вообще, всё окончилось лучше, чем можно было ожидать, – если не считать покусов Аке и того, что все, кроме Йокахайнена, насквозь вымокли и перемазались в тине. Убедившись, что напавшая на Аке тварь исчезла, путешественники пошли дальше. Аке прихрамывал и морщился, вздрагивал при каждом незнакомом звуке. Завтра его раны наверняка воспалятся и начнут болеть, и хорошо, если обойдется без заражения – но если они не уберутся с болота до темноты, придет ли оно, это завтра? Солнце так где-то и катилось за серыми облаками. Теперь шли медленнее – Ильмо тщательно проверял каждый шаг. Йокахайнен все так же следовал за ним, пренебрегая лесиной, – да еще и глаза закрыл, «смотрел» одними руками. Вдруг он остановился так резко, что на него чуть не налетел Калли.

– Что? – напрягся Ильмо.

– Мы тут уже были.

– Не может быть!

– В самом деле, с чего ты взял? – спросил Ильмо. – Мы идем все время только вперед, болото как на ладони...

– Не имеет значения, что ты видишь, карьяла, – угрюмо ответил Йокахайнен. – Никакого!

– Ты хочешь сказать, нас водят кругами? Показывают то, чего нет?

– Да.

– Так, – Ильмо остановился и обернулся к остальным. – Ну, и что мы будем делать?

– Идти дальше, конечно, – ответил Калли, – Не стоять же здесь!

– Хорошо хоть, что кончается трясина, – проворчал Ахти. – Вон там, я уже вижу, растут какие-то деревья. Дойдем до них и сделаем привал.

Уже начало смеркаться, и над болотом моросил дождик, когда они добрались до дальнего края трясины – пологого взгорка, заросшего редким лесом.

– Уф, наконец-то! – воскликнул Ахти, в изнеможении растянувшись на траве. – Надежная, твердая земля!

– Да тут кто-то был до нас! – донесся голос Калли из-за деревьев. – Хм, знакомое кострище...

– Саами, ты был прав, – буркнул Аке, безнадежно огляделся... и плюхнулся на траву рядом с Ахти.

Ильмо испустил стон. Они вышли на место своей прошлой ночевки.

– Паршивая болотная тварь!

Ахти, не вставая, злобно пнул ближайшее дерево. Дерево закрипело, накренилось, медленно упало и с чавканьем свалилось в топь.

– А холм-то уменьшился, – заметил Калли и принялся развязывать мешок с припасами.

– Что ты там несешь? – рявкнул Ахти. – И без твоих бредней тошно!

– Мальчишка прав, – сказал Йокахайнен. – Болото подбирается к острову. Нам нельзя здесь оставаться. Думаю, ночью оно затопит его целиком.

– Но зачем нас водили тогда кругами целый день?

– Чтобы помучить, – предположил Ильмо.

– Насладиться нашим страхом, – уточнил Йокахайнен. – Прежде чем... пообедать.

– Что ж, пришлось ему обойтись без сладкого. Нам ведь не страшно, верно, парни?

– Подождем ночи...

Под вечер ветер разогнал тучи, и над горами разгорелся дивный закат. Два острых пика – Врата Похьёлы – горели словно столпы огня, пронзающие небеса. Вода в оконцах казалась лужицами крови. Островок к тому времени уменьшился еще вдвое. Уйти с него не удалось: почва совершенно не держала, даже та, по которой они только что прошли. Мох пропитался влагой и расползлся под ногами. Путешественники оказались в ловушке.

– Неужели нас так просто утопят? – взорвался Ахти, когда вода в очередной раз подтопила место, где он сидел. – Неужели мы будем сидеть и молча ждать, пока нас всосет эта гниль?!

– А тебе надо погибнуть с грохотом, треском и воплями? – съязвил Калли.

– Помалкивай, холоп!

– Я-то молчу, – проворчал Калли. – А кое-кто орет, как свинья под ножом...

Ахти сверкнул глазами, вскочил с места и надвинулся на него.

– Унялись, оба! – сердито крикнул Ильмо. – Хотите, чтобы мы тут сами друг друга перерезали или, лишившись разума, кинулись в топь? Сохраняйте спокойствие. Тогда, может быть, удастся что-то сделать...

– Когда мы шли через трясины, я пытался спеть руну поиска, – вполголоса сказал ему Йокахайнен. – Однако странное дело – наткнулся на встречные чары, и мне показалось, что они схожи с моими, только гораздо сильнее. Похоже, мы имеем дело с похьёльским колдуном...

– Так позови его! – воскликнул Аке. – Соври, что ты служишь тунам...

Ильмо поморщился. Он не забыл предостережение Вайно: старик настоятельно не советовал Йокахайнену пользоваться похьёльской магией. Наверняка этот запрет был не случаен.

– Ну давайте попробую...

Йокахайнен откашлялся и тихонько запел призывающую руну. Он пел, все молча ждали, а болото понемногу подкрадывалось все ближе и ближе, затапливая холм.

Йокахайнен завершил руну, оглянулся и развел руками.

– Не действует, – разочарованно сказал Ахти.

Вдруг прямо под его ногами громко чавкнуло. Из мха высунулась черная когтистая лапа, схватила за ногу ближайшего, кто стоял к краю – Калли, – и поволокла в топь. Калли потащило по земле, но он успел ухватиться за какой-то корень. Миг спустя рядом оказались Ахти и Аке с мечами наготове – но черная рука уже исчезла. Калли распластался на пузе, весь в клочьях мха. Левая нога у него осталась босой – ни кенги, ни портянки.

– Кенгу сперла, паскуда! – пожаловался он, поднимаясь на четвереньки. – Почти новую, кожаную! Как сильно дернула! Наверняка жилу растянула...

Откуда-то с болота прилетел дикий визгливый звук, отдаленно похожий на хохот.

– Ага! Вот и он! – воскликнул Йокахайнен, показывая куда-то в глубь трясины.

Все уставились в указанную сторону.

– Не он, а она, – заметил Ильмо.

Шагах в ста от них, словно огромная тощая жаба, прыгала по трясине невиданная черная тварь. То, извиваясь, исчезала во мху, то снова появлялась, как ящерица. Увидев, что за ней следят, снова разразилась визгливым хохотом и, явно глумясь, швырнула в их сторону обувку Калли.

– Это что за хийси? – спросил Ахти. – Болотник? Русалка?

– Думаю, кикимора, – сказал Ильмо. – Необычная какая-то. Ничего подобного не видал.

– Да, это болотный демон, – кивнул Йокахайнен. – Но, знаете, я не чувствую в ней настоящей колдовской мощи. Как же ей удастся поднимать воду и отводить глаза?

– Стрельни-ка в нее, – предложил Ахти.

Но Ильмо даже не стал доставать лук из чехла.

– Что ж, тогда подпусти ее поближе, чтобы наверняка.

Ильмо не ответил. Он вовсе не собирался убивать черную кикимору. Чувствовал – это ничего не принесет, кроме вреда. Не в эту нечисть надо было стрелять, а в кого-то другого...

Черная тень плясала на трясине. Ильмо следил за ней, не отрывая глаз. Почувствовал влагу в сапогах, глянул вниз и обнаружил, что все они стоят по щиколотку в воде. Остров исчезал...

Он поднял глаза – и увидел кикимору прямо перед собой, шагах в десяти. Тварь вынырнула прямо из грязи и мха. Уродливое, ни на что не похожее порождение Калмы. Черные, тощие руки и ноги, длинные когтистые пальцы, косматые волосы, полные листьев и мха. За спиной волочились по грязи перепончатые крылья. Красные глаза, острый нос торчком, щель лягушачьего рта до ушей. Пасть полна мелких острых зубов. На редкость пакостное зрелище... но почему-то у Ильмо оно не вызвало страха. Охотник нахмурился. Где-то он уже видел такие зубы и такое лицо. И еще кое-что он заметил у нее на шее, и в голове промелькнула возможная догадка...

– Смотри, она не отбрасывает тени, – шепнул Йокахайнен.

– Она сама тень, – сказал Ильмо. – Эй, тень!

И шагнул к ней – прямо в топь.

– Ильмо! – Позади дернулся Ахти, хотел схватить его за руку, удержать – но не успел.

Ильмо шел к кикиморе спокойно, как посуху, – и тряская почва держала его. Кикимора сидела на корточках, высоко задрав острые колени и распахнув пасть в подобии усмешки. Ильмо шел к ней безоружным, даже ножа доставать не стал. Подойдя, он неожиданно выбросил руку вперед – и схватил обрывок веревки. Только теперь все увидели, что на шее у кикиморы черная веревочная петля.

– Ну что же, пошли к твоей хозяйке, – раздался над болотом громкий голос охотника.

Потом что-то булькнуло, и кикимора, как сидела, с головой провалилась в трясину. Ильмо, держа ее за веревку, словно за поводок, канул в топь вместе с ней.

Когда померк белый свет, и место воздуха заняла бурая торфяная вода, Ильмо закрыл глаза и задержал дыхание. Он не дышал, сколько мог, пока не почувствовал, что тяжесть воды внезапно исчезла, и лица коснулось дуновение слабого ветра. Тогда он открыл глаза – но ничего не увидел. Вокруг царили полная темнота и тишина – словно в могиле. Темнота веяла земляной сыростью и чем-то более холодным и древним. Ильмо невольно вспомнился ледник с рыбой, где он едва не замерз насмерть. Только этот ледник, похоже, был создан самой природой. Ильмо протянул руки в стороны и коснулся пальцами влажных шершавых стен. «Там, внизу, – Вечный Лед», – вспомнил он слова Йокахайнена. Лед был сверху и снизу и по сторонам, а сам он – в ледяной пещере где-то под болотом.

Что-то шевельнулось рядом с ним. Мокрые пальцы – как склизкие болотные деревяшки – схватили его за руку, куда-то потащили. «Кикимора», – вспомнил Ильмо и послушно пошел за ней, выставив одну руку вперед. Болотная тварь вела его во тьме куда-то по узкому петляющему проходу, пока он не наткнулся на стену тупика.

– Ну что? – спросил он, невольно понижая голос. – Где она? Где ведьма, твоя хозяйка?

Кикимора дернула его руку вниз. Ильмо нагнулся и нащупал нечто, лежащее на земле. Это был человеческий скелет.

«Нет, не человеческий!»

Голос прозвучал у Ильмо прямо в голове. Неожиданно он понял, что может видеть – но не зрением. Словно уснул и видит сон. Или – как тогда, в леднике с Ильмой, – кто-то вытянул его за собой на Изнанку.

«Впрочем, какая разница? – подумал он. – Все равно я слишком мало знаю о магии, чтобы понять, куда и как меня привели. Это сейчас не важно. Важно – *зачем...*»

Теперь Ильмо отчетливо видел, что перед ним на полу пещеры лежат... кости? Нет, не кости – девушка, связанная по рукам и ногам. Одежда на ней давно истлела, только остались ржавые поножи, да рассыпались вокруг странные острые накладки. Ильмо присмотрелся и понял, в чем странность. Девушка была туном. И она его видела.

Вдруг видение дрогнуло и на миг исчезло. Ильмо снова ослеп и оглох и только осязал кости. Связанные кости. Плоть давно истлела, а веревка осталась.

«Да, веревка осталась. Мне ее не снять. Она заколдована».

Ильмо снова увидел призрак и понял, что его заслуги в этом нет – девушка-тун показывалась и исчезала по своей воле. Судя по всему, она давно была мертва, но ее магическая сила не исчезла. Насколько же велика она была при жизни?

За спиной шевельнулась кикимора.

– Кто так с тобой поступил? – спросил Ильмо, обращаясь к призраку. – За что?

«Враги. Люди. Колдуны».

– Человеческие колдуны? – У Ильмо вдруг перехватило горло от догадки: – Райдены?

«Да. Колдуны-охотники пришли в Похъёлу с юга и развязали войну за предгорья Пасты. Мы попытались выкинуть их отсюда, но они оказались сильнее. Многие погибли, кто-то улетел. Я была верховной чародейкой рода, прикрывала отход, и меня взяли в плен. Долго пытали. Потом их главарь, молодой райден по имени Чайка, приказал связать меня и бросить в озеро. Он знал, какой смерти больше всего боятся крылатые туны, – смерти в воде. Если дух туна не может вернуться в лоно Калмы, он обречен на ужасные страдания. Тот чародей это тоже знал. Поэтому он заколдовал веревку, чтобы мой дух никогда не смог покинуть это озеро...»

– Чародей по имени Чайка? – В памяти Ильмо что-то промелькнуло, и он спросил почти наугад: – А может, Тиира?

«Да!» – сколько ненависти прозвучало в этом слове!

– Он недавно умер. Тебе, наверно, будет приятно узнать, что его убил тун.

Кикимора позади него внезапно подпрыгнула и разразилась своим жутким смехом. Две половины одного существа: одна повелевала, другая действовала. Призрак, словно прочитав его мысли, продолжал:

«В муках, стремясь покинуть это место, я породила Тень. Я считалась искусной колдуньей, но такого не ожидала даже от себя! Моя тень стала демоном этого места. Она мстила за меня всем людям, что сюда попадали. Я наводила мороки, она убивала. Она питалась жизнями погубленных людей, становясь все сильнее, облекаясь в плоть, и понемногу расширяла наши земли... Озеро превратилось в непроходимую топь, истинный облик этих мест скрыли мороки...»

Ильмо ощупал веревку. Ничего особенного – старая гниль. Ее мог бы разорвать даже ребенок. Но кикимора, способная погубить десятки опытных путешественников, не сумеет к ней даже прикоснуться. Для мертвой чародейки заколдованная веревка останется неразрывными путями, даже когда истлеет совсем.

Что будет, если он разорвет ее? Девушка-тун освободится. Ее душа полетит на север, к Калме, как ей и положено. А что станет с ним самим и его товарищами?

Последний вопрос Ильмо задал вслух.

«Морок исчезнет», – пришел ответ.

– Морок? – переспросил Ильмо удивленно.

Вдруг он все понял и без колебаний разорвал веревку. В тот же миг призрак пропал. Кости с сухим треском рассыпались по полу пещеры. Кикимора прыгнула к ним, обняла их, издала ужасный вой... и тоже исчезла. А пола коснулся бледный луч вечернего солнца.

Откуда-то сверху донеслись удивленные голоса. Ильмо закричал:

– Я здесь! Сюда!

Когда Ильмо вытащили наружу, он увидел, что никакой топи вокруг нет, да и не было. Вместо бескрайней трясины – заросшее, болотистое озеро, точно такое же, каких десятки встретились им на пути. Берег со следами костра. И пещера – сырая земляная яма меж корней. Кто-то – вероятно кикимора – выкопал ее и похоронил там кости. Но снять с них заклятие не смог.

– А нас-то вода по пояс накрыла, – рассказывал Калли. – Мы уже прощаться начали. Аке начал варгские предсмертные песни петь про «чертог героев»... С богами и предками здороваться начал...

– Предложил мне сразиться, чтобы нам с ним погибнуть славной смертью в бою, а не потонуть рабами! – добавил Ахти, радостно смеясь – просто тому, что спасся. – А потом вдруг смотрим – нет воды! Стоим сухие, на берегу! Словно туман развеялся! Но как ты справился с кикиморой? Что ты с ней сделал, Ильмо? Убил?

– Отпустил на волю, – пробормотал Ильмо и без сил свалился на траву.

Глава 4

Видение Айникки

Айникки проснулась посреди ночи. Несколько мгновений она лежала в постели, натянув одеяло до подбородка, и глядела в темноту. Что-то ее разбудило. Но что?

В доме было тихо до звона в ушах. С тех пор как начались заморозки, мать каждый вечер топила печь, но почти все тепло к утру выветривалось. Из-за ставней тянуло холодом. Когда начнется зима, Айникки перейдет спать вниз, к матери за печь, а горница будет наглухо закрыта до следующей весны. Но пока и здесь неплохо – особенно если зарыться с головой в плотное лоскутное одеяло, да еще накрыться сверху шкурой, чтобы не дуло. «Мне-то хорошо, – подумала Айникки. – А Ильмо небось мерзнет в сыром лесу. Дождик его мочит, комары едят... Кстати, о еде...»

Айникки прислушалась к себе: может, голод разбудил? Последнее время с ней творилось что-то странное. Вроде болезнь отступила, и румянец вернулся на щеки – но то обжорство вдруг одолеет, а то наоборот, целый день тошно, и кусок в горло не идет. А вчера вечером вышла на крыльцо, послушала печальные крики улетающих гусей – да как заплачет...

Есть вроде бы не хотелось, но сон все равно не возвращался. «Да что такое! – подумала девушка. – Словно что-то важное сделать забыла!»

Айникки села в постели, завернувшись в одеяло, вспоминая вчерашние недоделанные дела. В темноте горницы пахло сушеными травами и воском. Девушка наклонилась, нашаривая чугунный котелок, где лежали лучины и огниво. Чиркнула кресалом о камень, посыпались искры, затрещала лучина – в темноте вспыхнул огонек. Айникки вылезла из постели и понесла лучину в восточный угол, к домашнему святилищу.

Такое святилище можно было встретить только в одной из старинных семей карьяла. Выглядело оно как стол на коротких ножках с расставленными на нем в нужном порядке фигурками старших и младших богов. Айникки воткнула лучину в светец, опустилась на колени и поклонилась богам. Из тьмы на нее глянул круглый черно-белый глаз Укко с острым кошачьим зрачком; над столом качнулись и медленно закружились подвешенные на нитках громовые птицы. Посреди святилища поднимался глиняный идол верховной богини Ильматар. Богиня стояла, сложив на груди тонкие ручки, и глядела прямо на Айникки. Нелегко снести взгляд богини, даже если ее глаза – две ямки на гладком глиняном лице.

– Светлая мать Ильматар, – неуверенно прошептала Айникки. – Это не ты меня разбудила?

Айникки была простой девушкой; никогда боги не удостаивали ее своими знамениями или вещами снами, не говоря уж о том, чтобы явиться лично. Была, правда, та румяная девочка, что вывела ее из бани, – когда Айникки и ее подруг заманил и запер чародей-людоед Рауни. Странная девочка – вроде всем она была знакома, но никто так и не вспомнил, откуда она родом. С тех пор Айникки ее не встречала. Но теперь девушке казалось, будто нечто незримое присутствует в темной горнице, постепенно открывая себя в яви. Прислушаешься – тихо, как в гробу. А перестанешь прислушиваться – темнота тут же наполняется бормочущими головами, шелестом не то листьев, не то крыльев...

Нет, куколка Ильматар определенно на нее смотрит!

Вдруг Айникки с изумлением увидела, как глиняная кукла подняла голову и уже настоящему посмотрела на нее снизу вверх. Лицо куколки неуловимо изменилось: только что было доброе и глуповатое, а теперь стало похоже на птичье – остроносое и хищное. В ямках глаз загорелись хитрые огоньки.

– Так-так, – проворчала глиняная кукла. – Девушка! Кто бы мог подумать! Ты кто такая?

Айникки глядела на ожившую богиню, как мышь на змею, не смея шевельнуться. А птицеголовая богиня разглядывала ее с явной насмешкой.

– Ишь, глаза-то выпучила... Тоже рыжая – да не так, как истинные потомки Калева...

– Ты кто? – выдавила Айникки.

– Отвечай, когда тебя спрашивают! – прикрикнула на нее кукла. – Как тебя зовут, убогая?

– А... Айникки, дочь Антеро. Ты ведь не Ильматар?

– Догадливая! – захихикала кукла. – Сказать бы кому, что меня спутали с Ильматар, да ведь не поверит никто... А скажи-ка, девица, не в родстве ли ты с неким Ильмариненом?

– Ильмо! – встрепелась Айникки. – Что с ним случилось?!

Глиняная кукла молча смотрела на нее своими глазами-дырками. Айникки топнула ногой:

– Отвечай... нечисть!

– Значит, только что была светлая Ильматар, а теперь уже нечисть? Хе-хе... А что ты так раскудахталась? Какое тебе дело до Ильмаринена?

– Он мой суженый!

– Вот оно что! – протянула кукла. – А скажи, девица, где сейчас твой суженый?

– По воле предков и богов Ильмо пошел в туманную Похьёлу! – гордо сказала Айникки. – Чтобы найти родичей упыря-рунопевца, который убил моих подруг, и на корню извести всех этих мерзких кровопийц! Перед уходом мы обручились. А когда он вернется, сыграем свадьбу!

Глаза куклы полыхнули пламенем... и вдруг гнев ее сменился пакостным хихиканьем.

– Поняла! Ты, девица, уж не беременна ли?

– Я? – Айникки даже подскочила от такого предположения. – Вот еще!

– А ежели подумать?

«Даже думать об этом не желаю!» – хотела ответить Айникки. А сама помимо воли принялась считать дни. Допустим, кукла не врет... Когда же это могло случиться? Перед уходом Ильмо, когда им несколько раз удалось повидаться втайне от родителей? Или еще раньше, когда он вернулся с Браге?

Кукла наблюдала за ней и посмеивалась, словно читая мысли.

– Выходила бы ты, девка, поскорее замуж, а то позора не оберешься. Батюшка-то у тебя суровый, выгонит в лес или вообще пристукнет. А суженого своего ты особо назад не жди. С «похьёльскими упырями» не так-то просто сладить...

– Это неправда, – упрямо повторила Айникки. – Я не беременна!

– Скоро сама узнаешь, правда или нет, – посулила кукла. – Прощай, дурочка. И смотри помалкивай, а то как бы язык не отсох...

Богиня замолчала, черты ее лица застыли и выправились. Перед Айникки на вышитом полотенце снова стояла мать Ильматар, сложив руки и спокойно глядя на ее своими глазами-ямками. Айникки, словно очнувшись от сна, вскочила, схватила куклу и разбила ее об пол.

Вскоре Айникки, впопыхах одевшись и накинув на голову платок, уже бежала по темным переулкам к реке, где на отшибе стояла изба Локки. Чтобы не будить родителей, вылезла проверенным путем, в окно. Обратно наверх она забраться не умела, но сейчас ей было не до того. Айникки немедленно был нужен совет знахарки.

Локка спала и не сразу откликнулась на настойчивый стук в окно. Айникки пришлось подождать, пока старуха не вышла на крыльцо – простоволосая, в одной длинной рубаше.

– Проходи, девка, – зевая, сказала она. Удивления в ее голосе не было – люди к ней приходили во всякое время. А любопытство она давно наловчилась скрывать.

Айникки присела на край скамьи, глядя, как Локка зажигает лучину и убирает под платок седую косу. Изба Локки была не чета ее родному дому: тесная, темная, пропахшая травами и старой ветошью. На колени к девушке бесшумно прыгнула кошка – Айникки даже вздрогнула.

– Ну, с чем пришла? – спросила старуха, завязывая на поясе западную юбку.

Айникки промедлила. Столько всего случилось этой ночью, что она даже не знала, с чего начать. Решилась – и выпалила главное:

– Локка... мне кажется, я беременна!

Локка довольно добродушно хмыкнула:

– Ну, давай посмотрим.

Она велела Айникки лечь на лавку, задрала ей подол и тщательно ощупала низ живота.

– Похоже на то, – бормотала она себе под нос. – Стало быть, нагуляла дитё со своим рыжим бродягой и теперь пришла плод травить? Травки-то подходящие у меня есть. Но нерожавшей нежелательно такое – как бы бесплодной на всю жизнь не остаться. Или, может, признаешься отцу? Не погонит же он тебя из дома! Ты не беспокойся. Родишь здорового младенчика, так к тебе еще охотнее присватаются...

– Какое «присватаются»! – возмутилась Айникки, морщась от боли, когда жесткие старушечьи пальцы мяли ее живот. – Ильмо – мой суженый, другого мне не надо!

– Эх, – вздохнула Локка, – твой Ильмаринен, светлая ему память, нынче в Похьёле. Забудь о нем, девка, зачем тешить себя напрасной надеждой?

– А что Похьёла? Похьёла – еще не Манала!

– Никто из Похьёлы не возвращается.

– Он вернется, – упрямо сказала Айникки, садясь на лавке. – И вообще, Локка, я вовсе не о том хотела тебе рассказать. Плод я травить не собираюсь – вот еще выдумала!

– Тогда зачем явилась среди ночи – не могла утра подождать?

– Дело в том... – Айникки замялась. – Видишь ли, я и не думала, что беременна... Но сегодня ночью что-то меня разбудило. Я зажгла лучину у домашнего святилища, и тут мне явилось... видение, не видение...

И Айникки принялась рассказывать о том, как с ней заговорила клювоголовая кукла, как запугивала ее, приказывая молчать, и тоже пугала, что Ильмо не вернется. Заканчивая рассказ, она искоса взглянула на знахарку и удивленно замолчала, Локка сидела бледная, вцепившись крючковатыми пальцами в край юбки.

– Локка... ты чего? – осторожно окликнула ее девушка.

Хотя и так ей было видно, что ее рассказ знахарку почему-то насмерть перепугал.

– Плохо, – пробормотала Локка, блестя в сумраке белесыми глазами. – Когда боги начинают говорить чужими голосами, когда хийси оскверняют святилища – жди беды! И снова этот окаянный Ильмаринен! Ушел в Похьёлу, но и там продолжает мутить воду! Я-то думала, уйдет он – и все закончится. Как бы не так...

– Так что же это... похьельский демон со мной разговаривал? – недоверчиво спросила Айникки.

– Не знаю, – вздохнула Локка. – Я ничего не могу сказать... тут без совета предков не обойтись.

Она склонилась перед очагом и принялась раздувать вчерашние угли. Вскоре в устье печи полыхнул огонь, в избе стало светлее. Локка, бормоча себе под нос, принялась сыпать в огонь какие-то сушеные травы. Потянуло сладким дурманящим яроматом. У Айникки закружилась голова. Она прислонилась спиной к стене, с любопытством разглядывая убранство избы. Потолок, матово-черный от копоти, темные стены, увешанные разнообразной утварью. Красный угол в избе занимал чуть ли не две стены. Темнели маленькие идола богов на полках, перед каждым стояли предписанные приношения. Локка, кряхтя, влезла на лавку, сняла с полки пестрый камень. Это был младший брат того, что стоял на кургане, возле деревянного идола предка.

– Вяино, старый хрыч, невольно мне подсказал своей последней ворожкой, как и к кому лучше обращаться, – буркнула она, ставя камень на стол. – Прежде-то предки не каждый раз откликались, да порой такого наговорят – на трезвую голову и не поймешь. А теперь всё просто стало...

Старуха достала плоску с топленным маслом, наклонила ее и щедро полила пестрый камень.

– Берешь каменное яйцо – либо это, либо то, что на холме, – и обращаешься не к предкам, а прямо к водянице Велламо. Она нашему роду благоволит – видно, не даром легенды говорят, что наш предок был сродни лягушке. Старый дурень Вяино думал, что просит милости у самого Калева, но я быстро разобралась, кто ему на самом деле отвечал...

Айникки не отвечала. Ее ноздри щекотал запах тлеющего дурмана, огни расплывались в глазах, а фигурки богов, казалось, окружили Локку и наперебой что-то говорили ей, размахивая тонкими ручками и разевая глиняные рты... Сумрак избы наполнился многоголосым писклявым бормотанием.

– Проклятие! – донеслось до нее отчетливо. – Бойся проклятия!

Айникки потеряла глаза и прислушалась.

– Где? На ком проклятие?! Говори!

Это уже голос Локки. Деловитый, нетерпеливый. Старуха вовсе не выглядела одурманенной.

– Опять Ильмаринен, чтоб ему пусто было?!

– Нет...

– Да где же оно? Откуда? – продолжала допрос Локка.

– С севера и с юга... и от родного очага...

– Да слышала я это уже, слышала!

– Проклятая кровь, – верещали голоса. – Кровь невинных вызывает к мести! Вот чистый источник жизни, на дне его – кровавый мрак, и зреет в нем зерно нового ужаса. А над ним – тьма, и все, кого она коснется, погибнут злой смертью, еще не пройдет год! Кровь – в прошлом! Кровь – в будущем! Реки крови! Бегите, люди Калева! Спасайтесь, пока не поздно!

Локка схватила за голову, зажимая уши.

– Мать Велламо! – простонала она. – За что же мне эта мука? Знать, что смерть близится... и не понять, откуда...

Айникки вдруг увидела такое, что мгновенно пробудило ее от грез. Вдоль пестрого камня пробежала трещина, и камень распался надвое, словно широко раскрыл рот. Надо ртом выскочили бугорки-глаза... Проклюнулись по сторонам тонкие лапки...

– Мать Велламо! – завопила Локка, норовя пасть ниц. – Пожалей детей Калева!

– Проклятие близко, – неожиданно приятным женским голосом сказала каменная лягушка. – А больше ничего не скажу.

Локка резко обернулась, и Айникки испуганно застыла под ее горящим взглядом.

– Она?!

Лягушачий рот сомкнулся, глаза закрылись, лапки подтянулись под живот, и камень снова стал камнем. А Локка продолжала сверлить девушку взглядом. И взгляд этот Айникки совсем не понравился.

– Что уставилась? – буркнула она.

– А-а-а, – протянула Локка, как будто постепенно прозревая. – Я ведь чуяла, что беда совсем рядом! Сказано было – от родного очага! Кого ж тут заподозрить, как не охотника, лесного бродягу? Оказалось – слишком просто...

– Ты на что это намекаешь?

– Не в Ильмо была причина, а в тебе – и в твоём нерожденном ребенке! В нём проклятая кровь Унтамо. Недаром боги наказали твоего отца, его помощника и соратника, и Марьятту, младшую дочь старого братоубийцы, не послав им сыновей!

– Что?! – изумилась Айникки. – При чем тут Унтамо?

– А ты не знаешь, какого рода твоя мать?

Айникки помотала головой. Локка воздела кверху узловатый палец.

– Все старики знают – но молчат. Чтобы забылось. Никто сейчас не хвалится своим участием в той позорной кровавой войне. Но ничто не остается безнаказанным!

Айникки подумала и пожала плечами:

– Резня Унтамо – дело давнее. Старушечьи сказки. Да хоть бы я была и от рода Унтамо – что с того? Пойди-ка к моему отцу и скажи, что все беды от того, что он взял в жены Марьятту. Да он тебя со двора прогонит, выставит перед всеми старой дурой. Я и так уже слышала, что тебя втихомолку называли полоумной – вечно врагов вынюхиваешь...

– Ты не понимаешь, девчонка, каково это – каждую ночь видеть в снах гибель рода! – рывкнула Локка. – Когда каждую ночь к тебе приходят предки и зовут к себе! Небось сама бы рехнулась. От вашей семьи гибель и придет. Вот он, корень зла, черное семя, что в тихой воде зреет. Вырвать его и выбросить за околицу!

Айникки вскочила с лавки:

– Всё, не желаю больше слушать! Я ухожу!

– Никуда ты не пойдешь.

Локка метнула в очаг горсть порошка. Новая волна сладкого дыма опутала Айникки, ее ноги подкосились, и она без сил упала на лавку. Глаза ее закрылись сами собой. А рядом все бубнила Локка:

– Я спасу род, хоть бы и против твоей воли. Вырежу плод из твоего чрева, сделаю его бесплодным, и проклятая кровь Унтамо уйдет из нашего мира. А там, глядишь, и несчастье обойдет нас стороной...

Бормотание отдалилось и умолкло. И больше ничего не осталось – только темнота и тишина.

«Где я?»

Айникки проснулась внезапно, словно ее окликнули. Тяжелое оцепенение прошло, голова была ясная и свежая. Она почувствовала, что улежит на спине на чем-то твердом. Ногам было холодно. Девушка приоткрыла глаза. Над головой чернел низкий потолок. Пахло травами и горячей водой. «Я лежу на столе, – сообразила она. – Кто снял с меня юбку?!» Айникки резко подняла голову – и увидела Локку. Знахарка стояла прямо напротив нее, держа в руке нечто вроде железной ложки на длинной черенке. И этой ложкой явно собиралась залезть ей между ног! Так вот как она вытравляет бабам нежеланный плод!

К счастью, полагаясь на сонное зелье, Локка не догадалась ее связать. Как только их глаза встретились, Айникки изо всех сил лягнула старуху пяткой в нос. Локка охнула и упала, зловещая ложка с лязгом покатилась по полу. Айникки вскочила со стола, кинулась прочь из избы.

Небо уже светлело на востоке – видно, она провела в доме Локки немало времени. Убедившись, что Локка не преследует ее, Айникки остановилась и, тяжело дыша, принялась поправлять одежду. Старуха сняла с нее юбку – спасибо, хоть рубашку оставила. «И куда я сейчас пойду? – подумала Айникки. – Явлюсь домой в одной рубашке, простоволосая, под утро... Да отец с меня шкуру спустит! Была не была, расскажу родителям всё: и про беременность, и про Локку – и все ее бредни передам...»

Айникки дошла до поворота, откуда уже виднелся в предрассветных сумерках ее дом – и остановилась. Ей вдруг подумалось, что она в самом деле на распутье – и от того, куда она сейчас свернет, зависит не только ее судьба.

Допустим, сделает она как задумала: пойдет, разбудит родителей и перескажет слова Локки – всё как есть. Отец, конечно, разгневается, но травить плод не позволит. Ильмо ему в доме и даром не нужен, а наследник, которого он с младенчества воспитает должным образом, – почему бы нет? Локку, конечно, и слушать не станет. Выставит на посмешище. А если упрямая знахарка открыто объявит, что проклятие – на их семье... О, тут Локке придется совсем плохо. Они и так уж давно не ладили. Отец часто говорил, что Локка забрала себе больно много власти. Это в самом деле было так: все ее побаивались, многие – поддерживали. И что начнется тогда? Самое страшное, что можно вообразить, – междоусобица, род расколется надвое. Если одолеют сторонники Локки, семья Антеро будет изгнана – в лучшем случае. А если, что более вероятно, победит отец? Без знахарки роду будет непросто. Кто передаст волю предков? Кто предупредит о грядущей опасности? Кто будет лечить травами и заговаривать болезни? И останутся они дальше жить без колдуньи, брошенные богами, под властью старосты – приспешника проклятого братоубийцы. Дожидаясь скорой и теперь уже неотвратимой гибели.

Но что делать? Можно ли спасти род Калева, не убивая нерожденное дитя? И Ильмо так далеко – ничем не поможет, даже советом...

«Вяйно!» – неожиданно вспомнила Айникки – и ей сразу полегчало. Недаром Ильмо, уходя в Похьёлу, советовал ей перебраться к нему жить. А она вот задержалась. После того памятного гадания и ухода Ильмо отец и мать совершенно переменились. Ни единого недоброго слова о суженом Айникки не слышала, одни похвалы его отваге и молодечеству. И о ней самой так заботились, так лелеяли, что она и подумала – зачем ей переезжать к старому колдуну, если дома стало так хорошо?

«Надо было послушать Ильмо, – подумала Айникки с запоздалым раскаянием. – Разнежилась под родительским крылышком... А живи я у Вяйно, небось кукла Ильматар не заговорила бы со мной!»

Айникки решительно отвернулась от отчего дома. На миг ей стало страшно. Вдруг Вяйно скажет ей то же самое, что Локка?

«Не скажет, – подумала она. – Он ведь пообещал Ильмо меня защитить. А потом, Вяйно знаменитый чародей! Что ему стоит снять проклятие с рода Калева?»

Небо над рекой начало розоветь. Скоро взойдет солнце... И с первыми его лучами Локка наверняка поспешит к Антеро. Значит, бежать надо прямо сейчас.

«Пусть лучше все они будут против меня, чем друг против друга», – решила Айникки и пошла прочь из Калева. Босая, простоволосая, в одной рубашке... А ночи были холодны, и перед рассветом на траве часто лежал иней. «Ничего, – утешила себя Айникки, ускоряя шаг. – Побегу быстрее, так и согреюсь».

И побежала.

Глава 5

Кто-то ходит вокруг

На следующее утро, отоспавшись после вчерашних страстей, Ильмо и его спутники отправились дальше. Тихое озеро, которым обернулась зачарованная топь, оказалось последним препятствием на их пути. Сразу за ним сырые мхи сменились черничниками, ельники – борами, растущими на пологих песчаных склонах. Начинались предгорья. Впереди вставали лесистые отроги длинной гряды, что отделяла Похъёлу от мира людей.

Несмотря на то что дорога вела в гору, путешественники шагали бодро, болтая и перебрасываясь шутками на ходу. После приключения на болоте их радовало всё – и солнце, пригревающее в полдень, и даже ночной холод. Еще бы – чудом спаслись от мерзкой смерти. Никто не сомневался, что, если бы не догадливость Ильмо, кикимора так или иначе погубила бы их.

...Придя в себя, Ильмо сразу же рассказал друзьям, о чем беседовал под землей с призраком девушки-туна.

– Вяйно ведь как-то упоминал, что только двое райденов добирались до самых Врат Похъёлы – он и Тиира. Но едва ли Вяйно стал бы пытаться врагов. Тут-то я и догадался насчет Тиiry. Что его имя на древнем языке значит «чайка», я уж потом вспомнил.

– И тут этот Тиира нам всем подгадил! – заключил Ахти.

– А мне вот что любопытно, – сказал Аке. – Границу мы перешли – значит, эти земли принадлежат Похъёле. Так почему же Лоухи не освободила эту девушку, если ее посмертие для тунов так ужасно?

– Может, она не знала, – ответил Йокахайнен. – А может, знала – но сочла, что зачарованная трясина на границе для нее полезнее, чем какая-то там девчонка, погибшая десятилетия, а может, и столетия назад. Это вполне в духе Лоухи. К тому же мертвая колдунья наверняка была не из ее клана...

– Эх, жалко, Вяйно с нами нет, – сказал Ильмо. – Мне бы очень хотелось узнать, как она ухитрилась разделить свою душу надвое и породить эту кикимору...

– О какой из душ ты говоришь? Есть лиль – Дыхание, а есть ис – Тень. Так говорят наши нойды. Лиль дана тебе от рождения как бы взаймы. После смерти она сразу покинет тебя и вселится в новорожденного ребенка, потому что ее притягивает юная жизнь. Ис же уходит от тебя во сне и в болезни, странствуя в образе полярной совы. Но после твоей смерти ис отправится вместе с тобой в Хорн – или, у вас, в Маналу, – где проживет еще столько же, сколько ты прожил на земле. А потом начнет перерождаться, таять, понемногу превращаясь в животное, потом в рыбу, потом в водяного жучка... и наконец – исчезнет совсем...

– А кости-то в яме были человеческие, – заметил Калли, с любопытством слушавший разговор о тайнах бытия.

– Да, я тоже это заметил, – кивнул Ильмо. – Но я разговаривал с призраком девушки-туна...

– Ничего удивительного, – тут же отозвался Йокахайнен. – Туны сотворены магией Калмы не из воздуха и не из северных птиц, а из какого-то человеческого племени – может, и вашего. По их легендам, прародительница тунов пришла с юга, и крыльев у нее не было.

– И откуда ты все это знаешь, Йокахайнен! То есть, если бы похъёльцы перестали поклоняться Калме, они стали бы обычными людьми?

– Может быть...

День за днем они без происшествий шли через ельники и сумрачные долины, через вересковые пустоши и скалистые распадки, постепенно поднимаясь всё выше. Иной раз, огля-

нувшись назад с какого-нибудь крутого пригорка, Ильмо видел волнистые холмы в голубой дымке – леса, леса до края земли. Родная земля оставалась позади. Впереди вздымалась темная стена гор, перегородившая небо. И над ней, как острые волчьи клыки, – два снежных пика-близнеца Врат Похьёлы.

Вскоре выдался такой теплый, солнечный день, словно опять вернулось лето. Темная зелень сосен в синем небе, запах смолы... Только в воздухе кружились принесенные откуда-то ветром маленькие зубчатые желтые листочки. Ильмо сначала показалось, что это листья земляники, но потом он с удивлением узнал в них березовые.

– Горы не пускают сюда холодные ветра с севера, – объяснил всезнающий Йокахайнен. – Но как только мы перейдем на другую сторону хребта, так из лета попадем сразу в зиму. Вам даже не представить, как сурова тамошняя земля. Во внутренней Похьёле, к примеру, вообще не растут деревья – только вот этот ползучий березняк...

– Что ж, будем наслаждаться теплом, пока можем, – сказал Ильмо, подставляя лицо солнечным лучам и вдыхая здоровый, терпкий запах нагретой смолы, – Как здесь славно! Как будто мы и не в Похьёле.

Йокахайнен фыркнул.

– Ты дважды неправ. Во-первых, это не совсем Похьёла. Настоящие владения тунов начинаются за горами, сюда они не летают без крайней необходимости. Это ничьи земли, пустые и отравленные, которые Калма постепенно населяет своими рабами – вроде той кикиморы... А во-вторых, тут далеко не безопасно. Сегодня утром я проверял узелки...

Неспешная беседа была нарушена громкой руганью. Ильмо нахмурился, солнечный день перестал его радовать. Снова – уже не в первый раз – разгорелась ссора между Ахти и Калли. Калли никогда не отличался покладистым нравом и не умел держать язык за зубами, а в последние дни и вовсе потерял страх, как будто нарочно нарываясь на неприятности. Аке только посмеивался в ответ на дерзкие выходки мальчишки, Йокахайнен вовсе не обращал на него внимания. Но Ахти Каукомьели был не из терпеливых.

– Я не твой холоп! – доносились вопли. – Иди и собирай хворост сам!

– Поговори тут, сопля!

– От такого слышу! Пустомеля, бабий пересмешник!

Аке, чинивший у костра прохудившийся сапог, поднял голову и захохотал.

– Ильмо, твой раб ведет себя так, будто он сын ярла!

Калли на миг смутился, опасливо взглянул на Ильмо, но тут же надменно задрал подбородок.

– Может, и ярла! По крайней мере мой отец был воином. А твой – не знаю. Что-то я не слышал о подвигах воинов из рода Каукомьели! Только девок воровать горазды!

Ахти побледнел, потянулся к рукояти меча, но опомнился и опустил руку.

– Струсил? – с надеждой спросил Калли, скаля зубы.

– Вот еще, марать железо о всяких там рабов. Да я тебя просто выпорю!

Ахти потянулся к пряжке ремня. Калли выхватил нож.

– А ну, перестали оба! – закричал Ильмо, вскакивая на ноги. – Вы что, с ума сошли! Калли, да что на тебя нашло?

– Эй, в самом деле! – Аке тоже поднялся на ноги. – Ахти, дружище, – сейчас не место и не время для глупых ссор! А ты, Калли, послушай меня. Судьба воина переменчива. Многие варги за свою жизнь побывали в плену и рабстве. Может быть, когда-нибудь тебе суждено стать великим воином. Но сейчас, парень, помни свое место.

– Зря стараешься, Аке, он тебя даже не слушает, – холодно сказал Ахти, поворачиваясь спиной к холопу.

– Я до него еще доберусь, – прошипел Калли, неохотно убирая нож.

– Начинается. Вот она, близость Похьёлы, – тихо сказал Йокахайнен.

Аке озабоченно посмотрел на него.

– Ишь, крысеныш! Видал я таких – не пырнул бы он Ахти в спину. А то вот еще ночью прирежет!

– Он так никогда не сделает, – вступился за него Ильмо. – Правда, Калли?

– Да я его, хвастуна, и днем запросто одолею!

Лицо Аке вдруг просветлело – ему в голову пришла неплохая мысль.

– Предлагаю вам сразиться, – сказал он. – Нет, никаких ножей и прочего. Помнишь, Ахти, как мы веселились на Лосином острове, устраивая поединки на подвешенном бревне?

Ахти скорчил гримасу.

– Поединок? С рабом?

– Ага, струсил! – обрадовался Калли. – Так я и знал, что ты меня боишься!

Место для поединка нашли поблизости, в лощине, заваленной буреломом и заросшей высоким рыжим папоротником. Аке выбрал подходящий, достаточно устойчивый сосновый ствол, упавший поперек оврага. Ахти и Калли, держа в руках длинные суковатые шесты, найденные в том же буреломе и освобожденные от мелких веток, забрались на него с разных концов.

– Кто первый свалился – тот проиграл, – объявил Аке. – Ниже пояса не бить.

– А по ногам можно? – спросил Калли, неумело крутанув палку.

– Тебе – можно, – сказал Ахти и бросился на него, как коршун на цыпленка.

Вмиг он обрушил на Калли мощный прямой удар, намереваясь сразу снести мальчишку со ствола в колючее нагромождение сухих веток. Но палка просвистела у Калли над головой. Холоп быстро пригнулся и с криком прыгнул вперед, нанося встречный удар по ногам. Ахти не успел отскочить. Удар попал по голени, но вышел слишком слабым, чтобы скинуть врага, – только раззадорил его. На Калли посыпался град ударов. Еще пару раз он удачно увернулся, а потом принял удар на свою палку и тут же ее лишился, а заодно крепко получил по рукам. Подросток невольно вскрикнул от боли, его движения замедлились, и Ахти этим немедленно воспользовался. Калли пропустил хлещущий удар по плечу, потерял равновесие и соскользнул со ствола. Ахти тут же остановился, опустив палку.

– Возиться... – презрительно произнес он. – Холоп и есть холоп. А туда же, биться лезет!

Неожиданно он вскинул руки и зашатался. Оказывается, Калли, падая, ухватился за ствол и повис на нем снизу, обхватив руками и ногами. Он продержался ровно столько, чтобы схватить противника за ногу и вцепиться в нее, как пиявка. Еще мгновение, и они оба рухнули в бурелом: Ахти с проклятиями, Калли с торжествующим хохотом.

Аке громко захлопал в ладоши:

– Я думал, у нас в отряде два воина, а оказывается – три!

– А я? – обиделся Ильмо.

– Ты охотник, – примиряющее сказал варг. – С людьми биться – совсем другое искусство...

Вскоре противники вылезли, красные, запыхавшиеся и исцарапанные с головы до ног. Калли сиял.

– Ничья, – объявил Аке.

Ахти подумал и добродушно хлопнул Калли по плечу:

– Молодец, сопля!

Калли хмыкнул, но смолчал – уж очень был доволен.

Средство, предложенное варгом, оказалось на удивление удачным: целый день прошел, а Ахти и Калли ни разу не поругались. На вечернем привале Аке внимательно следил за противниками, но Ахти был весел и болтлив – впрочем, как всегда, – а от вечной угрюмости Калли

и следа не осталось. Аке поздравил себя с успехом и затеял разговор о далеком и приятном – о своей невесте.

– Вот разберусь с проклятием, вернусь домой – и женюсь наконец на милой Храфнхильд. Уже третий год она меня дожидается...

Ильмо вздохнул.

– Что, тоже девчонку свою вспомнил? Небось она не стала бы тебя ждать три года?

– Не стала бы, – согласился Ильмо. – Со мной бы убежала. Айникики вообще-то и соби-
ралась с нами в Похъёлу. И пошла бы, если бы не заболела...

– Распустил ты ее совсем, – неодобрительно сказал Аке. – Воин странствует и сражается – дева ждет. Такова доля, богами установленная. Может, ты, Ахти, нам что-нибудь поведаешь про свою невесту?

– Про которую из них? – невинно спросил Ахти.

И принялся рассказывать куда более увлекательную, чем у Аке, историю своего послед-
него сватовства. Как, спасаясь от мстителей из рода Суванто (где, вот незадача, тоже соблаз-
нил девицу), попал в запретную березовую рощу, где как раз совершались женские таинства
во славу Ильматар. Там-то Ахти и встретил статную ясноглазую деву, дочь главы рода Саво.
Конечно, его мгновенно сразила любовь. Дева тоже не осталась равнодушной к красавцу-бег-
лецу...

– Я прожил в землях Саво почти полгода, – рассказывал Ахти. – На правах зятя. Мог бы,
в сущности, там и остаться. Они ведь меня, преследуемого, приняли как родного, защитили от
мести... Так ведь дернуло меня отвезти невесту домой! Матери показать решил...

Ильмо и Аке весело переглянулись.

– И что – мать? – спросил Йокахайнен, не знавший истории, которая давно уже стала
любимой байкой у всех северных карьяла.

– Сказала: дева слишком избалованная, мнит о себе много, вези обратно. Ну, и главное –
то проклятие о «смерти от злой жены»... Я, пытаюсь его избежать, уже столько раз чуть жизни
не лишился...

– Неужели так просто взял и отвез обратно?

Ахти грустно махнул рукой.

– Пришлось. Пригожих девиц много, матушка – одна. Так что, вы думаете, устроил глава
рода Саво? Так разозлился, что поначалу чуть войну не объявил всему нашему роду! Потом,
однако, успокоился и объявил, что род тут ни при чем, но, если я еще раз объявлюсь в его
землях – голову с плеч снесет. И чем я ему не угодил? Невеста моя, говорят, сына родила, а
я его и не видел ни разу...

– У тебя уже есть дети? – удивился Ильмо.

– Где-то наверняка есть, как у всех нас, – сказал Аке. – А ты, Калли? Жениться не соби-
раешься?

– Всё зло от баб! – мрачно сказал Калли под общий хохот. – Ну их всех в болото!

– А ты, Йокахайнен? Что ты все молчишь? У тебя есть невеста?

– Была, – сухо сказал Йокахайнен.

– И куда делась?

– Я ее убил.

Хохот умолк. Все недоверчиво посмотрели на саами.

– По приказу Рауни, – неохотно пояснил он. – Он учил меня убивать людей колдовством,
вот и выбрал мне ее... поупражняться.

Над полянкой повисло долгое молчание.

– М-да, – сказал наконец Ахти. – А отказаться не мог?

– Если б я тогда отказался, я бы сейчас здесь не сидел.

После этого общий разговор увял. Аке и Ахти принялись вспоминать чужие земли, где им довелось побывать, а Калли завалился спать.

Ильмо подсел к Йокахайнену.

– Вижу, ты беспокоен, – тихо сказал он. – Что там с узелками? Снова что-то чуешь, да?

Нойда кивнул:

– Опасность. Кто-то нарушил сеть. Мне кажется, за нами следят.

Глава 6

Пустая избушка

Еще целый день и ночь прошли без происшествий, только склоны горы становились все круче и круче. Местами путешественники уже не шли, а карабкались, цепляясь за кустарник и пробираясь через каменные осыпи. А утром третьего дня Ильмо вдруг обнаружил широкую тропу – впрочем совсем запущенную. Она-то и привела к той сосне.

Старая раскидистая сосна росла на песчаном холме у входа в длинную широкую долину, грибом возвышаясь над молодой порослью. Огромные ветви вольготно раскинулись, затеняя небо. Сухие ветки, сломанные ветром, так и висели, застряв в кроне, словно желтоватые кости. Корни, вцепившиеся в землю, казались скрюченной пястью какого-то древнего великана. От дерева, несмотря на его почтенный возраст, веяло мощью. И жутью. Ибо нижние, обломанные ветки сосны были украшены насаженными на них человеческими черепами. Наверху, локтях в десяти над головой, в ветвях белели части скелетов.

– И как это они туда попали? – глубокомысленно произнес Ахти, рассматривая страшноватое дерево. – Как будто их кто-то туда забрасывал...

– Тролли повеселились тут, что ли? – пробормотал Аке, беспокойно вертя головой.

Калли взобрался на песчаный холм, снял с ветки череп и принялся его рассматривать.

– Ого, гляньте-ка! Похоже, кто-то обглодал мясо с кости!

– А кто повесил, тот сперва и обглодал, – предположил Ахти.

Ильмо и Аке дружно сплюнули через левое плечо.

– Ты думай, что говоришь! – рявкнул Аке, быстро озираясь. – Накличешь!

Ильмо поднялся на холм. Песок под деревом был усыпан мелкими костями вперемешку с шишками и многолетним слежавшимся слоем сухой хвои. По коже Ильмо пробежали мурашки. Ему вспомнился давний сон – ущелье в горах, черные ели, завывающий ветер и земля, устланная костями...

«Не может быть, – подумал он, невольно оглядываясь, – до Врат Похъёлы еще идти и идти! Неужели мы уже вошли во владения Когтистого Старца? Так скоро?»

Перед выходом Вайнемейнен несколько раз предостерегал его от столкновения с Когтистым Старцем – медведем-оборотнем, легендарным сторожем пути в Похъёлу. «Его не победить, с ним не договориться, – говорил старик. – От него можно только ускользнуть. Увидите любые его следы – бегите прочь как можно быстрее...»

– Мне кажется, нет причины для страха, – сказал Ахти, заметив волнение Ильмо. – Кто бы ни был этим людоедом. Взгляни – все скелеты очень старые. Древние, желтые кости.

– Наверно, это кости райденов, – предположил Ильмо, выпрямляясь. – Тех самых, которые убили девушку-туна с болота. Не думаю, что с тех пор кто-то еще из людей осмеливался забираться так далеко на север. Да и болото их не пропустило бы.

– А следы есть? – спросил Аке. – Что говорит земля?

– Обычное дело, – сказал Ильмо. – Лисицы, росوماхи. Много волчьих следов. Может, они и кости погрызли. Медвежьих меток я тоже не вижу. Только вот этот след меня смущает. Такого зверя я не знаю...

Он отошел в сторону от ствола, на песчаный склон, и указал на подсохший отпечаток, должно быть оставшийся после недавнего дождя.

– Да это же след ступни! – воскликнул Ахти. – Зуб даю, тут недавно побывал человек!

– Ахти, когда мне потребуется твой совет о ловле рыбы, я тебя спрошу, – сердито сказал Ильмо.

– А я бы сказал – медведь, – сказал Аке. – Очень похоже.

– Ничего подобного. Да, это пятка. А это – отпечатки когтей. Но к медведю они не имеют никакого отношения.

– А если это не простой медведь? – спросил Ахти словно прочитав мысли Ильмо. – Будет, по-твоему, обычный медведь вот так украшать дерево?

– Забудь слово «обычный», – мрачно сказал Аке. – Это Похъёла.

– В наших краях, – попытался пошутить Ильмо, – охотники порой приносят жертвы духам деревьев, вешая на них черепа волков и медведей. А тут, выходит, все наоборот – звери вешают черепа охотников?

Никто даже не улыбнулся. Несколько мгновений все стояли молча и смотрели на аккуратно развешанные черепа.

– По крайней мере нас честно предупредили, – сказал Ахти. – Ну что, идем дальше?

– А ты что скажешь, Йо? – спохватился Ильмо. – Йо, ты меня слышишь?

Йокахайнен повернулся. Ильмо, встретившись с ним взглядом, даже вздрогнул. Лицо нойды было искажено, бледные губы шевелились, что-то бормоча по-саамски. В его неразборчивом бормотании Ильмо послышалось имя Лоухи... И почему-то слово «собака».

– Собака? – повторил он. – Что это значит?

– Ничего, – пробормотал нойда, отворачиваясь. – Я надеюсь, что ничего. В конце концов, есть же на свете и просто сказки... Может, я ошибаюсь. А если не ошибаюсь... то уже ничего не изменишь. Надо идти дальше. Только держите оружие под рукой и будьте готовы ко всему.

– Может, повернуть обратно и поискать другую дорогу? – с сомнением проговорил Аке.

– Нельзя. Уже поздно. Даже если мы уйдем, останется след.

Обойдя холм и дерево-жертвенник, путешественники оказались в широкой, пугающе тихой долине, поросшей редким хвойным лесом. Черные ельники, стоящие глухой сплошной стеной, чередовались с прозрачными, пустоватыми борами, где сосны росли без подлеска. Когда-то, видно, здесь проползал ледник, волочил за собой камни, обкатывал их, стирая острые грани, – и теперь гладкие валуны усыпали всю землю, выглядывая из мха, словно серые шляпки огромных боровиков. Белый мох, черные еловые лапы, слоистые скалы, покрытые пестрыми пятнами лишайников, пахучие кусты можжевельника... На первый взгляд, обычный лес. Но путешественники, помня о сосне, украшенной «предупреждениями», были настороже. Вокруг царила всё та же странная тишина. Даже птицы не пели. Долина, словно притаившись, чего-то ждала.

– Йо, помнишь, ты говорил, что за нами следят? – понижая голос, спросил Ильмо.

– Следят-следят, – буркнул Йокахайнен. – Не знаю, тот ли людоед, что развесил мертвецов, но прячется он хорошо. Я все время чувствую его взгляд, но, даже откуда он на нас смотрит, не понимаю.

– Ты же сказал, что чувствуешь похъельскую магию!

– Похоже, он ею вовсе не пользуется. Или так в ней искусен, что мне ее не распознать.

– В таком случае, чего он ждет? Удобного момента для нападения?

Йокахайнен на миг задумался:

– Не уверен. С утра у него были десятки возможностей это сделать, когда мы тут петляли в этих валунах.

– Так чего же ему надо? Может, темноты? Ночи?

– Может, и ночи, – глухо сказал Йокахайнен и посмотрел через плечо вверх.

Ильмо проследил за его взглядом и увидел восходящую над лесом бледную луну.

Незадолго до заката они слышали впереди журчание воды на перекатах. Вскоре деревья расступились, и отряд вышел к широкому ручью.

– Смотрите! – воскликнул Калли, останавливаясь. – Там избушка!

В самом деле, на другом берегу у леса виднелся приземистый домик, построенный на варгский манер – каменный, без окон. Земляная крыша поросла мхом, вереском и молодыми елочками. Дверь была распахнута настежь.

- Похоже на охотничий домик, – сказал Ильмо.
- Может, там останавливаются лесорубы или углежоги...
- Откуда тебе углежоги в Похьёле?
- Но почему открыта дверь?
- Пойдемте, посмотрим?

Прислушиваясь к каждому шороху, они перешли через ручей, подкрались к избе. Ахти заглянул внутрь:

- Тут никого нет!
- Нагнувшись, он зашел внутрь, и через мгновение позвал остальных:
- Идите-ка сюда!

Изнутри избушка выглядела совсем заброшенной. Утоптаный земляной пол подернулся зеленой плесенью. Постель в каком-то сером тряпье, стол, очаг, полки с утварью – на всем лежал многолетний слой пыли. Ильмо привычно поискал глазами красный угол, но его не было вовсе – видно, варгские дома строились иначе, чем карьяльские. Как бы узнать, каким богам здесь поклоняются?

– Давненько тут не разжигали огонь, – сказал Ильмо, опускаясь на корточки перед очагом. – Угли превратились в землю.

– И еду тут не готовят, – добавил Калли. – Поленницы и вовсе нет. Я заглянул сзади в сарайчик, там в колоде топор воткнут, а топорнице у него сгнило.

Ильмо выпрямился:

- Йо, как тут с магией?
- Всё по-прежнему, – хмуро сказал Йокахайнен, нюхая воздух. – Слабые следы похьёльской магии – она тут, в этих горах, повсюду. И еще что-то чую... Не опасное, но чуждое...
- Не это ли? – спросил Аке, покачивая чем-то в воздухе.
- Что это?
- За дверью на гвоздике висел.

Все столпились у двери, рассматривая находку. Это был потускневший серебряный оберег в виде сплющенного треугольника с петлей. В ушко был продет тонкий кожаный ремешок.

- Это же молот Таара! – сказал Ахти. – Оберег, отгоняющий нечисть!
- Угу, – подтвердил Аке. – У меня на шее такой же.
- Значит, все-таки тут поселился твой соотечественник, варг. Далеко же его занесло!

Ильмо задумчиво поглядел на оберег.

- Любопытно. Зачем этот варг его снял? Вот ты, Аке, свой снимаешь?
- Ни днем ни ночью. Как же иначе защититься от демонов?

Ильмо покачал головой:

– Варг, который не готовит и не топит очаг... Держит двери нараспашку... Который не боится демонов... К которому, судя по следам во дворе, в гости заходят волки. Не хотел бы я свести знакомство с таким варгом!

– Так, может, здесь и не живет никто?

– Живет, – отозвался вдруг Калли. – На лежанке кто-то явно ночует, причем часто. Только, сдастся мне, это не вполне варг. Точнее, совсем не варг...

Ильмо подошел к постели, внимательно оглядел ее – и тихонько присвистнул. То, что вначале показалось им пыльным тряпьем, было клочьями длинной серой шерсти.

Несколько мгновений все стояли, молча глядя на лежанку. Ильмо, как ни удивительно, почувствовал облегчение. Шерсть была серая. Значит, хозяин этого домика – не Когтистый

Старец. Вяйно рассказывал, что тот оборачивается белым медведем. Но кто же? Что за тварь тут поселилась?

Ахти задал этот вопрос вслух.

– Если тут ее логово, так мы с ней скоро встретимся, – посулил Аке.

– Так что же, уходим? – быстро спросил Ахти.

– Куда, на ночь глядя? – возразил Ильмо. – Чтобы встретиться с ней в лесу?

– Может быть, еще успеем уйти подальше до темноты...

– Зачем? – сказал Йокахайнен. – Как бы далеко мы ни ушли, тварь найдет нас по запаху.

А здесь, смотрите: стены из камня, окон нет, крыша проросла корнями. Обороняться здесь куда удобнее, чем на лесной поляне!

– Я согласен, – сказал Ильмо.

Аке молча кивнул.

– Значит, придется этому зверю, или демону, или кто он там, одну ночь провести под открытым небом, – беспечно сказал Ахти. – А захочет прийти – что ж, пусть приходит! На людоедов я еще не охотился!

К тому времени, как солнце зашло за левый Клык, дом неведомой твари – или подозрительного варга – был вполне освоен и подготовлен к возможной осаде. Калли, как ни в чем не бывало, занялся хозяйством: разжег огонь в очаге, кое-как вымел грязь за порог, перемыл часть утвари и впервые за несколько дней сварил настоящую кашу. Йокахайнен в сопровождении Аке обошел кругом дом, сплетая сигнальную сеть из травяных узелков. Сегодня он колдовал особенно тщательно, чтобы не оставить людоеду ни малейшей возможности подобраться незаметно. Отдельное внимание он уделил двери и вытяжному отверстию на крыше. Ильмо и Ахти прошлись по окрестностям, но ничего нового не нашли – за исключением кое-как зарытой ямы с костями в ельнике неподалеку. Костей там валялось немало, в том числе и свежих.

– И верно, зачем ему очаг и посуда? – ухмыльнулся Ахти, обозревая едва прикопанные кровавые объедки. – Его еда по лесу бежит...

Одно радовало: человеческих скелетов там не оказалось. Все остатки добычи принадлежали различному лесному зверю.

На закате путешественники собрались у очага к ужину. И хотя в долину уже спускалась ночь, а луна восходила все выше, в захваченном логове уютно потрескивал огонь и пахло овсяной кашей.

– Людоед там, не людоед, а все же здесь гораздо удобнее, чем на болоте, – объявил Ахти, вытирая свою миску хлебной корочкой. – Я уж и забыл, каково это – ночевать под крышей, особенно в конце осени. Тепло и сухо, и никаких тебе заморозков по ночам, и земля из-под ног не уходит, верно, Ильмо?

– Угу – и снизу не подмокает, и сверху не каплет, и комары не лезут в уши...

– Похоже, этот варг так же рассуждал, когда строил эту избу – сказал Калли. – И где он сейчас, этот варг?

– Где-где? – хмыкнул Аке. – Видел сосну с черепами? Сожрали его давным-давно, вот где.

– Выходит, дом он строил не для себя, а для той серой твари.

– Значит, в те времена никакой твари тут не было. Иначе бы она убила его до того, как он закончил строить.

– Интересно, что это за зверюга? И откуда она тут взялась?

– Из Похтьёлы, – сдавленным голосом ответил Йокахайнен.

С того времени, как стемнело, он сидел как на иголках и один почти ничего не ел, прислушиваясь к каждому шороху снаружи. Аке зорко взглянул на него и отложил в сторону ложку:

– Эй, нойда! Что с тобой творится?

– Да боится он, неужто не видно, – насмешливо бросил Калли.

– Йокахайнен не из пугливых, – вступился за него Аhti. – На болоте он один держал себя в руках, в отличие от всех нас. Йо, в самом деле, расскажи, в чем дело! Ты с самого утра словно не в себе...

– Расскажи, Йо, – попросил Ильмо. – Я вижу, ты что-то знаешь про эту серую тварь. Лучше и нам узнать, кто она такая... прежде чем она появится!

– Я ничего не знаю, – сказал нойда. – Только подозреваю. Дело в том, что у саами есть легенда. О существе, что зовется Пёс Лоухи. Рассказывают, что он стережет лесистые предгорья Врат Похьёлы, пожирая всех чужаков. Что это существо создано колдовством Калмы и только зовется собакой, а на самом деле и близко на нее не похоже... Известно про него не много, потому что ни один саами еще не захотел проститься с жизнью и познакомиться с ним лично.

– Пёс Лоухи, – повторил Аhti. – Уже кое-что.

– У вас, у карьяла, его называют Волк Хийси, – добавил Йокахайнен.

– А! – воскликнул Ильмо, припоминая. – Так бы сразу и сказал! Помнишь, Аhti, легенду о Трех Хийси, которую мы слышали на ярмарке в Брусничном? Как Калева со своими воинами отправился в Похьёлу и встретил по пути заколдованного волка...

– Ну, когда это было! Не во Времена ли Сновидений? К тому же в той легенде Калева волка убил...

– «И череп его на сосну повесил, а из шкуры сшил рукавицы», – процитировал Аhti. – Ой, не волчьи черепа висели на той сосне!

– Волк Хийси в той легенде, помнится, мог говорить... – задумчиво произнес Ильмо.

Аhti хмыкнул:

– Надеешься его уболтать, как ту кикимору?

– Будет ли он тебя слушать – вот в чем вопрос! – покачал головой Аке. – У нас в Норье водятся заколдованные волки. По большей части, это люди – воины и колдуны, которые научились превращаться в зверей. Так вот, оборотившись, они теряют разум и память и убивают всех подряд. Особенно они опасны в лунные ночи...

– А что ты еще знаешь о людях-волках? – спросил Аhti. – Давай-ка, Аке, расскажи нам!

– Да, расскажи, – подхватили остальные. – Всем известно, что в Норье водится всякая нечисть!

Аке пожал плечами и принялся рассказывать про заколдованных волков. Как выяснилось, знал он о них немало.

– Сам я ни разу с ними не встречался – боги миловали, – но люди рассказывают, что оборотни, то есть люди-звери, бывают разные. Вот, скажем, в землях словен все больше перекидываются ведуны. В лунные ночи они, перескочив через воткнутый в пень нож, могут обратиться в любого зверя, а иные – и в птицу, но предпочитают медведей и волков. Зачем они это делают – кто их, колдунов, разберет, – но если люди их за этим поймают, убьют без жалости. А то еще можно чары разрушить, вытащив нож, и тогда будет такой ведун всю жизнь зверем ходить.

У нас в Норье чаще встречаются оборотни-воины. Ульфхеднар – вот как называют такого бойца. Это черная боевая магия. В запале боя, опьяненная вражеской кровью, место души человека занимает душа зверя. Таких людей боятся и избегают. Если о воине ходят слухи, что он перекидывается во время боя в волка или медведя, на драккар такого возьмут только в крайнем случае. Но бойцы они несравненные. Ходят слухи, что они неуязвимы и непобедимы, но на самом деле они просто не чувствуют ран в бою...

– Ты говоришь – душа зверя, – с сомнением сказал Ильмо. – Не тело. А я видел волчьи следы.

– Говорят, есть и третий вид оборотней – вервольфы, – подумав, продолжал Аке. – Я кое-что слышал о них в Саксе. Их там боятся до смерти и лишний раз не поминают, чтобы не накликать. Вервольф уже не человек и не зверь, а нечто среднее – то ли чудовище, то ли демон. Его создают черные маги для своих надобностей. Говорят, убить его почти невозможно, разве только серебром...

– Брр! Одно утешает – Сакса отсюда далеко...

Йокахайнен вдруг резко шевельнулся.

– Тсс! – прошипел он. – Он приближается!

И тут снаружи раздался вой. Жуткий, заунывный. От него леденело в животе и ёкало сердце. Любое живое существо, услышав такой вой, безошибочно узнало бы голос своей смерти. Вой длился и длился, а горное эхо усиливало его и разносило по перелескам. Казалось, даже пламя в очаге дрогнуло и потускнело. Мерцающий отсвет упал на побледневшие лица.

– Вот и он, – пробормотал Аке. – Легко на помине.

Глава 7

Хиттавайнен

Все умолкли, протягивая руки к заранее подготовленному оружию. Йокахайнен снял с плеча новое кантеле, что дал ему в путь Вяйно, и быстро подкрутил колки. Ильмо положил стрелу на тетиву. Ахти вытянул из ножен меч, Аке сжал в руке секиру. Калли отложил недомытый горшок и взял стоящее у стенки охотничье копьё.

– Открой дверь! – прошептал ему Ахти.

Дверь со скрипом распахнулась. Снаружи была только сырая чернота.

– Приготовиться! – приказал Ахти.

Все затаили дыхание. Вой отзвучал, и больше снаружи не доносилось ни звука.

– Он вошел за метки, – сообщил Йокахайнен. – А сейчас остановился прямо перед дверью, шагах в двадцати...

Текли мгновения, но ничего не происходило.

– Ежели этот волк не круглый дурак, он внутрь не полезет, – прошептал Калли. – Теперь будет болтаться вокруг, пока у нас не кончатся припасы. Чувствую, мы тут долго просидим...

Неожиданно Аке шагнул к двери и что-то крикнул на своем языке.

Лес затих... И вдруг из темноты, так близко, что варг шарахнулся от дверного проема, донесся низкий рычащий голос.

– Думаю, это ульфхеднар, – прошептал Аке. – Я это заподозрил, еще когда увидел молот Таара. Если он может говорить, значит, он еще не оборотился, и, может, мы с ним договоримся. Или успеем скрутить...

– Что он сказал? – спросил Йокахайнен. – И что это за язык?

– Это наш язык. Язык земли Норье.

Ильмо кивнул. За время похода он уже научился немного понимать язык варгов, хоть сам на нем говорить и не мог.

– Он сказал – «хольмганг»... Что это значит?

– Поединок. Он вызывает нашего вождя на поединок!

– Так, а кто у нас вождь? – спросил Аке. – Когда мы, наконец, определимся со старшинством, парни?

Ахти и Ильмо одновременно шагнули к двери, столкнувшись плечами.

– Это зверь, значит, биться с ним должен охотник!

– Сам ты зверь. Звери на поединок не вызывают. С воином должны сражаться воины! К тому же мне надо опробовать мой Плачущий Меч!

– Пойду я, – сказал Йокахайнен. – Я не знаю, что это за существо, – но от него так и разит похвельской магией и оно очень опасно! Если это демон, вам его не одолеть!

– Пошли все вместе, там будет видно, – предложил Аке. – Ахти, давай первым.

Они вышли и сразу же увидели своего врага. Он стоял перед дверью, шагах в двадцати, на границе света и тени. Пес Лоухи молчал и был совершенно неподвижен – только светились глаза высоко над землей.

Аке ошибся. Это был не ульфхеднар. Перед ними стоял не человек, это было именно чудовище. Одежды на нем не было, да он в ней и не нуждался – тело твари заросло густой темно-серой шерстью. Росту в нем было не меньше четырех локтей; над широченными сутулыми плечами, над косматой гривой нависала остроухая, похожая на волчью, голова. Могучие лапы свешивались почти до коленей. Пасть оборотня была приоткрыта, словно не могла вместить зубы. Оружия у него не было, да, похоже, оно ему и не требовалось.

– Сдается мне, что он нас провел, – пробормотал Аке, прижимаясь спиной к стене и прикрываясь щитом. – Выманил из дома...

– Приготовились... по моему знаку, одновременно, – зашептал Ахти. – Йо, шарахни эту тварь каким-нибудь заклятием поядрёней, Ильмо, стреляй по глазам, а я рубану мечом...

Но тут оборотень снова заговорил. Он прорычал короткую фразу и указал когтистой лапой на Йокахайнена.

– Он хочет сражаться с колдуном, – тихо сказал Аке.

Йокахайнен побледнел еще сильнее, чем прежде, но твердо сказал:

– Я готов.

– Йо, если ты не уверен, не принимай вызов, – зашептал Ильмо. – Ты не обязан...

Нойда ничего ему не ответил, только глубоко вздохнул, сосредотачиваясь, и положил пальцы на струны кантеле.

– Волшебного меча испугался, серая собака! – раздался позади голос Ахти.

Монстр даже не взглянул в его сторону – видно, не понял по-карьяльски. Ильмо наклонился к Аке и прошептал:

– Прежде спроси его, почему он хочет с нами сражаться!

Аке спросил. Оборотень глянул на Ильмо, шевельнул ухом и что-то неразборчиво прорычал. Ильмо мимоходом отметил, что варгский язык сам по себе так груб, что отлично подходит для волчьей речи.

– Мы вошли в его охотничьи угодья, – перевел Аке. – Он говорит, что мог бы убить нас всех просто так, но ему хочется... как бы это сказать... позабавиться!

Внезапно запели струны. Тут же всех обдало холодом. Налетел шквал, швырнул в лица песок. Засвистел ледяной ветер, свиваясь в тугую воронку, и вдруг кинулся на человека-волка. Оборотень превратился в размытую тень, неподвижно стоящую в кипящей туче пыли. Потом он шевельнул лапой, сделав чисто человеческий, всем знакомый отвращающий жест, – и вихрь вокруг него взорвался. Ударом ветра всех едва не побросало на землю. Йокахайнена, которому и предназначался жест, крепко приложило о дверной косяк. Кантеле выскользнуло из его пальцев, глаза закатились, и нойда сполз вдоль стены на землю. Ильмо и Калли, стоявшие рядом, подхватили его.

– Что случилось? – быстро прошептал Ильмо, – Он тоже колдун?

– Нет, – пробормотал Йокахайнен, пытаясь нащупать кантеле. – Он отразил мои чары... На него не действует похъельская магия... Как я сразу не понял? Он ведь сам – ее порождение!

Оборотень подождал, пока вокруг него уляжется пыль, и шагнул вперед. Шерсть у него на загривке вздыбилась, из оскаленной пасти вырвалось рычание. Он двигался так легко, словно в нем вообще не было веса: просто скользнул по земле, будто огромная страшная тень.

– Сейчас я тебе покажу забаву, волчара!

Ахти бросился ему навстречу. В воздухе вспыхнул серебряный проблеск Плачущего Меча.

Да, это были не танцы с Калли на поваленном бревне – бой пошел всерьез. В темноте, при бледном свете месяца, замелькали огромная серая тень и узкая молния клинка, слились в одно – как молния в грозовой туче. Топот, лязганье зубов о металл, хриплый рык и выкрики Ахти; легкость стремительных отточенных движений, скорость и мощь ударов... Вдруг боевой танец сбился с ритма, и его прервал тяжелый удар о землю. Улегшаяся было пыль взметнулась снова. Зачарованный меч звякнул и отлетел в вереск. Возле дома установилась тишина, которую нарушало только журчание воды в ручье.

Ахти лежал ничком – были видны только его взлохмаченные русые волосы. Оборотень возвышался над ним, стоя спиной к крыльцу, так что были видны его острый хребет и толстый волчий хвост. Вздыбленная шерсть на загривке понемногу опускалась. Серая шкура оставалась всклокоченной, меч Ахти кое-где оставил на ней темные росчерки. Оборотень наступил лапой

на неподвижное тело и повернулся к двери. Аке, Ильмо и Калли сдвинулись и загородили собой Йокахайнена, который так и не смог встать и теперь сидел, привалившись к стенке. Аке со строгим, отрешенным лицом поднял секиру и прикрылся щитом. Он оценил противника и не надеялся на победу. Глаза Калли дико сверкали, не хуже, чем у оборотня, – взгляд хищного зверька, загнанного в угол.

«Стреляй по глазам», – вспомнил Ильмо, поднял лук, натянул тетиву – и обнаружил, что оборотень уже в десяти шагах и смотрит прямо на него. Его взгляд ясно говорил, что он понял намерение стрелка, и ничего у Ильмо не выйдет. Это не ошалевший от крови тун – перед Ильмо стояло смертоносное существо, совместившее в себе неуязвимость к колдовству, звериную мощь и человеческое боевое искусство. И не им, мальчишкам, вызывать его на бой – его, убийцу множества райденов! Убийцу тех, кто одолел тунов у озера и пошел дальше. Но тут они столкнулись с ним – и остались навеки на священной сосне, глядеть на недостижимые горы пустыми глазницами черепов... Но почему Вяйно не предостерег их?! Многократно заклиная избегать встречи с Когтистым Старцем, ни слова не сказал про Волка Хийси? Неужели не знал о нем?

Теперь, когда оборотень приблизился, его можно было рассмотреть во всех подробностях. Старые шрамы на морде... Зубастая пасть, источающая смрадное дыхание хищника... Черный нос шевелится, втягивая воздух... И глаза – светлые и холодные, как две голубые льдинки. Очень похожие на глаза Аке.

– Ну и видок у тебя, варг! – неожиданно для себя сказал Ильмо. – Ты можешь превратиться в человека до конца?

Волк остановился, взглянул на Аке и что-то прорычал.

– Нет, – перевел тот. – В том-то и дело.

Еще несколько мгновений Ильмо и оборотень глядели друг на друга. Потом оборотень бросил несколько слов, пихнул лапой Ахти и отступил назад, в тень.

Аке опустил секиру и щит.

– Он сказал: заберите его. Бой закончен – теперь будем разговаривать...

Ахти даже не был ранен. Но помяли его изрядно, швырнув с размаху о каменистую землю, а потом придавив когтистой лапой. Хорошо хоть кости остались целы. Перелом ноги или хребта означал бы для Ахти конец путешествия, да и вообще – конец. Все время, пока Ильмо и Калли возились с пострадавшими, приводя в сознание Ахти и отпаивая «морозной настойкой» Йокахайнена, оборотень терпеливо ждал, усевшись перед крыльцом в десятке шагов от Аке. Тот на всякий случай караулил дверь, не сводя с него глаз. Уж больно страшен был оборотень, чтобы поворачиваться к нему спиной. Хотя все предосторожности, конечно, были напрасны: ведь они проиграли ему вчистую. Оборотень был хозяином положения и сам прекрасно это понимал.

– Опустить секиру, парень, – послышалось его насмешливое ворчание. – Если б я хотел, я бы убил вас всех в тот день, когда вы развлекались на бревне.

– Он уже там за нами следил! – слабым голосом воскликнул Ахти, приподнимаясь на волчьей постели.

– Ага, – подтвердил оборотень. – Я сидел как раз в том буреломе, куда ты свалился. Еще немного – и угодил бы мне на спину.

Ильмо выглянул за дверь.

– Аке, – попросил он, – спроси его, управляет ли им луна.

– Да, – снова ответил оборотень. – Это сейчас я почти человек, а в полнолуние превращаюсь в настоящего волка. Так что вам повезло. Дней через десять разговор у нас был бы короткий... Точнее, вообще никакого.

– А может, это не нам, а тебе повезло? – снова подал голос Ахти. – Похоже, тебе от нас что-то надо. Или просто поговорить не с кем?

В пасти оборотня на миг блеснули клыки.

– Ты слишком плохой воин для такого хорошего меча. Кто не способен ответить за свою дерзость, тот должен быть скромнее.

– В отряде ярла Данварда Доннара, – возмущенно отозвался Ахти, – меня считали непоследним бойцом!

Ильмо оглянулся и показал другу кулак:

– Ахти, заткнись. Аке, скажи оборотню, пусть говорит. Да спроси его, знает ли он язык карьяла? По-вашему, я понимаю одно слово из пяти.

Оборотень так и сидел в некотором отдалении, полускрытый темнотой. Ильмо подумал, что теперь он старается не пугать их попусту. «Неужели мы в самом деле ему зачем-то нужны?»

– Он говорит: «Зачем мне знать язык рабов?» – перевел Аке.

– Вот теперь вижу, что он в самом деле варг, – хмыкнул Ильмо. – Значит, Аке, ты будешь переводить. Спроси его, как он стал оборотнем и почему поселился здесь?

Так они и разговаривали: оборотень говорил, Аке переводил, Ильмо слушал и делал выводы...

– Мое имя Хиттавайнен, – начал свой рассказ оборотень. – Разумеется, не с этим именем я родился, и не им меня нарек отец. Этим именем я заклят. А как это случилось – долгая история. Много лет назад – гораздо больше, чем вы можете представить, – я был известным берсерком. Пожалуй, слишком известным. Моя слава обгоняла меня, и никто не хотел иметь со мной дела – ни враги, ни друзья. Родичи прогнали меня, ни один ярл не хотел принимать меня в свою дружину. И однажды, обозлившись на весь свет, я подумал: почему бы мне не наняться в Похьёлу? Едва ли этих крылатых колдунов, что поклоняются богине смерти, смутит то, что я стал слишком хорошим воином даже для моих свирепых сородичей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.